

Лариса Ильина

Смерть под кактусом

16+

иронический детектив

Лариса Анатольевна Ильина

Смерть под кактусом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42355244

SelfPub; 2019

Аннотация

Тиха, спокойна, ничем не примечательна размеренная жизнь милой девушки Светы Митрофановой... Была бы тиха и спокойна, если бы не было у нее любимой подружки Тайки по прозвищу Мегрэнь! Ведь Тайка собирается идти по стопам старшего брата и работать в полиции, а настоящий полицейский не ведает ни сна, ни отдыха, отстаивая закон и порядок. Вот и приходится Свете помогать ей по «долгу дружбы» – то наркоманов нужно выявить, то воров! А уж когда в их подъезде происходит злодейское убийство пожилой соседки и в руки к ним попадает загадочная старая папка с фотографиями, жизнь подружек и вовсе переворачивается с ног на голову!.. Без сокращений.

Я оторвала взгляд от страницы и, тихо свирепея, потерла лоб. В оконное стекло, не переставая, билась здоровенная осенняя муха, а за моей спиной с не меньшим усердием, хоча и беспрестанно прерывая рассказ восклицанием: «Нет, ты представляешь?», жужжала моя единственная и неповторимая подружка. Бесцельно пошарив рукой по письменному столу, я наконец сфокусировала взгляд на ненавистном насекомом и сосредоточилась. Нашупав прошлогодний отчет, стиснула его в кулаке и поднялась.

Это не произвело никакого впечатления ни на муху, ни на подругу, обе продолжали звенеть с упорством, несомненно заслуживающим более достойного применения. Через секунду муха горько поплатилась за такую беспечность. С безразличностью отправляя ее безжизненное тело за окошко, я горько сожалела о том, что нельзя подобным образом обойтись и со стройной блондинкой, лежащей в данный момент на моем собственном диване и уже битый час мешающей мне заняться делом.

– Так вот... Я ему и объясняю, что прекрасно знаю, что они это делают именно так! А он смотрит на меня, как на круглую дуру, и спрашивает: «Девушка, что вы так волнуетесь? Может, дадите мне свой телефончик?» Нет, ты представляешь? Это охранник! Тебе, говорю, лопаты на кладбище нельзя доверить охранять, не то что супермаркет. А тут эта самая тетка в полосатом свитере как заорет!

Тут и я заорала:

– Мегрэнь!

Подобно двум большим бабочкам удивленно вспорхнули вверх густые черные ресницы, и в самой середине огромных небесно-ангельских глаз моментально застыло выражение полнейшей кротости и печали. И, подобно многим, я в очередной раз едва не купилась на старый трюк. Кротости в подруге было столько же, сколько снега в Африке, поэтому я строго качнула в сторону дивана указательным пальцем и сказала:

– Или заткнись, или шлёпай домой... Ты мне мешаешь...

Поняв, что разжалобить меня вряд ли удастся, подруга обиженно протянула:

– Ну должна же я до конца рассказать...

Это и есть Мегрэнь. Она непременно должна довести до конца все, что только возможно. В этом, по ее разумению, и заключается подлинный смысл человеческого существования. Последствия подобного мировоззрения вылились в этакый гремучий коктейль, превративший дорогую подругу в гибрид комиссара полиции и головной боли.

Каюсь, но вспыхнувшая страсть к сованию носа в чужие дела и многословным рассуждениям о причине любого мало-мальски значительного события была спровоцирована именно мной.

В пятом классе я от чистого сердца сдуру подарила на день рождения своему однокласснику Юрке Лапкину сбор-

ник рассказов Жоржа Сименона. Юрка книжку благополучно закинул на полку, до которой, к большому моему, а также всех окружающих несчастью, добралась его младшая сестра Тайка. С этого самого момента Таисия Алексеевна Лапкина перестала существовать, и на свет божий появилась Мегрэнъ. Первые два месяца после прочтения книги она постоянно таскала в зубах карандаш, символизировавший трубку, и смотрела на всех со значением. Карандаш, перед угрозой искривления неокрепших детских зубов, с криками и угрозами был изъят любящими родителями, но вот пронзительный испытующий взгляд остался. Если бы я знала, какими последствиями обернется мой подарок, то подарила бы Юрке книгу кулинарных рецептов...

– Я сама тебе это могу рассказать... – уверила я. – В следующее мгновение тетка в полосатом свитере обнаружила растянутую «молнию» на сумке. И вцепилась тому лохматому парню в руку... Парень бросил кошелек на пол...

– «Бросил кошелек», – презрительно хрюкнула Мегрэнъ. – Учю, тебя, учю... дубину! Это называется «сбросил шмеля»!

Я только головой покачала:

– Тебя этому в институте учат?

– Между прочим, и этому тоже. Хотя столь высокий уровень... Здесь практика, конечно, нужна, по бумажке этого не выучишь...

– Мегрэнъ, – встревожилась я и даже бросила ручку на

стол, — только не говори, что ты опять связалась с Натиросовым...

— Почему «опять связалась»? Я и не развязывалась... Почему я не могу поддерживать отношений со своими будущими коллегами?

Не вытерпев, я развернулась лицом к подруге и ядовито поинтересовалась:

— Неужто, дорогая, ты позабыла эффектный финал ваших... э-э... отношений?

Мегрэн посуровела и сердито глянула на меня исподлобья. Ясное дело, не забыла.

Пару месяцев назад Мегрэн с захлебывающейся соловьиной трелью ввалилась в мою квартиру и, заикаясь от волнения, выпалила:

— Получилось!

— Что? — спросила я на всякий случай, хотя уже догадалась, в чем дело.

Последнее время у подруги была лишь одна тема для разговоров, и, судя по светящейся физиономии, ее мечта все-таки сбылась. Правда, я в этом не видела ничего примечательного.

— Как что? Возьмут! Возьмут меня с собой, понимаешь? — Я кивнула. — Я к Натиросову и так и этак, и как только не

подъезжала, а он ни в какую! Уперся, что баран! Неделю я его парила, наконец уломала!

«Надо же, – усмехнулась я про себя, – стойкий мужчина попался даром что подполковник! Терпеть пристающую Мегрэнь целую неделю можно, лишь обладая фантастически твердым характером...»

– И когда счастье?

– Завтра! – затряслась в радостной лихорадке подружка. – Обещал три дня, если сразу не получится...

– Так у тебя же практика через два дня кончается...

– Вот-вот! Но это неважно, лишний день отработаю.

Я согласно закивала, не зная, что еще добавить, и наивно полагая, что теперь подружка мирно удалится вверх по лестнице. Потому как я проживаю на третьем этаже, а она – на пятом. Но, подозрительно блестя глазами, Мегрэнь просочилась в комнату и кротко проронила:

– Светик, дай мне, пожалуйста, твой серый костюм... На пару дней...

Я запаниковала:

– Зачем тебе? На улице теплынь... К тому же он... это... на нем пятно, я как раз собиралась отнести его в химчистку...

– В химчистку ты его уже носила, – изобличающе ткнула в меня пальцем Мегрэнь. – Жалко, да? А я тебе палантин на презентацию давала... А ты его шампанским облила!

– Это не я, это наш бухгалтер, – отозвалась я чуть слыш-

но и, понуриив голову, потянулась к шкафу. – Ладно, бери... Мне не жалко...

Тут мой голос дрогнул, и я поняла, что дольше врать не могу.

Открыв шкаф, пошарила по вешалкам в призрачной надежде, что костюма там по какой-либо причине не окажется. Но чуда не произошло, мой любимый шелковый костюм сам прыгнул ко мне в руки, не подозревая еще, в какой переплет угодил.

Дело в том, что всем видам одежды Мегрэнъ предпочитала джинсы и футболку. Ходить в юбках она не умела совершенно, широкая юбка непременно где-нибудь зажималась, за что-нибудь зацеплялась и в результате разрывалась, а узкая просто-напросто лопалась по швам. Юбка моего любимого серого костюма была как раз узкой, поэтому повод для беспокойства был.

– В пятницу отдам... – на ходу бросила Мегрэнъ, сграбастала костюм и убыла по месту прописки.

– В пятницу... – я лишь печально моргнула ей вслед, – это через три дня...

Во вторник и среду Мегрэнъ не объявлялась. Это позволило мне успешно справиться с взятой на дом работой. Собой я необычайно гордилась, поскольку героическое трудолюбие проявляется у меня весьма редко. К обеду четверга, удовлетворенно перелистнув страницу, я с гордостью похлопала ладонью по стопке готового текста. Подобное усердие

непременно должно быть вознаграждено, решила я, поэтому переместилась на кухню и сварила кофе.

На верхней полке холодильника в красивой картонной коробке безмятежно покоилось пирожное эклер. Я с умилением оглядела нарядную обертку и уже протянула руку, представляя, как съем его, неторопливо запивая маленькими глотками крепкого черного кофе...

Мое сладостное видение было прервано резким звонком в дверь. Вздвогнув, я захлопнула холодильник и вышла в коридор. Палец того, кто ко мне звонил, не иначе как прилип к кнопке, потому что звонок не прекращался. Я раздраженно распахнула дверь, вопреки привычке не спросив, кого принесла нелегкая. Этим не преминула воспользоваться любимая подруга, с порога выпалив:

– Сколько раз я тебе говорила, что нужно спрашивать: «Кто там?»

Я открыла рот, собираясь высказаться насчет ее манеры звонить в чужие двери, да так с открытым ртом и осталась.

– Закрой рот, – отодвинув меня плечом, буркнула Мегрэнь и направилась на кухню.

Я пошла следом за ней, успев растерянно отметить, что одета Мегрэнь в мой костюм. С тяжелым вздохом она ногой вытянула из-под стола табуретку и села, вперив отсутствующий взгляд в окно.

– Тая, – испуганно позвала я, разглядывая представшее живописное зрелище, – что с тобой?

Тайка оторвалась от окна, подняла на меня глаза и с упреком в голосе жалобно отозвалась:

– Вот так-то...

– Тебя что, избили? – Я охнула и помимо воли опустилась на табуретку.

Волосы у подружки клоками торчали в разные стороны, скула была расцарапана, а левый глаз таинственно мерцал в окружении синяка приличных размеров.

– Какое там избили! – дернула плечом Мегрэнъ и резво потянулась к моей кофейной чашке. – Сама виновата...

Она принялась с бессовестным хрюканьем хлебать мой кофе, а я обрадовалась, что не успела вытащить пирожное. И вдруг сообразила, что не только лицо подружки, но и костюм, надетый на нее, выглядит довольно экзотично. Рукав возле плеча разорван и висит лоскутом, воротник собрался веером от затяжек... Я судорожно сглотнула, приглядываясь внимательнее, а Мегрэнъ тем временем закинула ногу на ногу, и стало видно, что худшие мои опасения оправдались: юбка лопнула едва ли не до самого пояса. Мегрэнъ поставила чашку на стол, а я прорычала:

– Что ты сделала с моим костюмом?

– Неужели тебя больше всего костюм беспокоит? – укоризненно спросила подруга и, похоже, обиделась. – Видишь, какой у меня синяк?

– Вижу, – сказала я злобно, – сейчас у тебя еще один такой же будет... А ты видишь, какой у меня костюм? Собаки тебя,

что ли, драли?

– Я работала, – с достоинством отозвалась Мегрэнъ. – Не хочешь узнать, в чем дело, пожалуйста, могу уйти...

– Да ну? – умилилась я. – Уйдешь и вернешься с новым костюмом? Тогда иди, пожалуйста...

– Светка, ты сама подумай, ну где я тебе такой костюм возьму? Таких, как говорится, два-три, да и те только у жен дипломатов... Но ты не переживай, я его зашью, ты ничего и не заметишь. А на плече можно вышивку сделать...

– Снимай костюм, зараза, – зашипела я, отодвигая чашку подальше от загребущих рук, – а вышивку себе на заднице сделай, может, ума и прибавится!

– Вот-вот, – заискивающе затараторила Мегрэнъ, – я поэтому к тебе сразу и зашла! Понимаешь, у меня же тетка в гостях. Как я в таком драном виде на глаза ей покажусь? Да еще с фингалом... Свет, ты дай мне во что переодеться, я тебе потом все верну.

– Убью... – только и смогла выдавить я, а Мегрэнъ закачнулась:

– Ну, Светик... Светочка...

Я посидела малость, разглядывая размазывающуюся по табуретке подружку, и плюнула:

– Ладно, бог с ним, с костюмом... Кто тебе в глаз-то дал?

Мегрэнъ мгновенно ожила, тряхнула перьями и заулыбалась.

– Я ведь говорила, что в понедельник Натиросов наконец

согласился взять меня с собой. Ну... на работу... Ты понимаешь?

Я понимала. Александр Владимирович Натиросов был начальником отдела оперативно-сыскной группы уголовного розыска, где летом проходила практику Мегрэнь. В общем-то, ей полагалось разбирать неразобранные бумажки и бегать за булочками, но Мегрэнь быстро поняла, что подобные занятия ей не по душе. Подозреваю, что месяц Тайкиной практики нелегко дался не только бедолаге Натиросову, но и всему отделу. Служебное рвение подружки не имело обозримых границ, поэтому, весьма возможно, в последние дни изможденные коллеги решили просто на ней отыгаться.

– Ты же понимаешь, я должна была выглядеть прилично, поэтому и попросила у тебя костюм. – Я нахмурилась и скрипнула зубами, Мегрэнь торопливо продолжила: – Дело в том, что я была... живцом...

– Чем? – вытаращила я глаза. – Чем ты была?

– Ну приманкой. На рынке. Достаю из кошелька деньги, считаю у всех на виду... И хожу, как будто ищу что купить.

– Ну?

– Что «ну»?

– Купила?

– Да нет же! – раздраженно дернула руками Мегрэнь, но я демонстративно посмотрела на плечо пиджака своего костюма, и она сразу сникла. – Я просто ходила, а ребята рядом, тоже делали вид, что покупают. И ждали, пока карманник

проявится. Они это называют «наколоть». Потом его ведут, пока он в чью-нибудь сумку или карман не воткнется... Мы первые два дня на рынке работали. Сашка с Толиком цыганку повязали... Только мне никак не везло. Александр Владимирович говорит: «Ничего, завтра на тридцать девятом маршруте попробуем!» Вот сегодня с утра и поехали. Полутра проездили – ничего! И ты не поверишь: вдруг чую, будто сумки кто-то касается. А смотреть вокруг не могу – Саша говорил, если с вором глазами встретишься, он уйдет. Стою, жду, когда ребята его схватят. А их нет и нет... Поворачиваю голову к Сашке Голубеву, а он с Толиком всю треплется! Я кашлянула. Тихонько, чтобы вору не спугнуть... Сумка шевелится, без кошелька, думаю, уже точно осталась, а эти как оглохли! Я опять кашлять... Кашляла, кашляла, не вытерпела, поворачиваю голову: возле моей сумки парень суетится, да так нагло! «Это что же ты, – говорю, – гад, делаешь?» Он на меня глаза поднимает, да как улыбнется! И парень, скажу тебе, симпатичный такой... Я рот открыла и глазами хлопаю, а он лыбится до ушей, словно фотографироваться собрался...

Подруга закрыла глаза и затрясла головой, заново переживая произошедшее, а я прикладывала массу усилий, чтобы не расхохотаться на самой трагичной ноте повествования.

– Ну и что ты? – Я торопливо кашлянула в кулак, всячески стараясь унять веселье. – Надо было кричать: «Стой, стрелять буду!»

– Ха-ха, – мрачно сверкнув глазами, отозвалась Мегрэнь, – как ей смешно! Конечно, не ты же в глаз получила...

– Я материально пострадала!

– Я тоже, – уныло сказала Мегрэнь и, протянув руку, подняла свою дамскую сумочку. – Видишь?

Бок новой кожаной сумки был перехвачен лезвием крест-накрест, из-за черных лоскутов топорщилась атласная подкладка.

– «Писака» попался... – жалобно выдохнула Мегрэнь и всхлипнула.

– Зачем же ты новую сумку взяла? – изумилась я. – Знала ведь, что могут порезать?

– Знала... Но Натиросов сказал, что вид должен быть приличным...

Судя по всему, собственная сумка беспокоила подругу гораздо больше моего костюма, поэтому я поинтересовалась:

– Ну а костюм?

– Да парень тот... улыбался, улыбался и вдруг спрашивает: «Что, глазастая очень?» Тут автобус остановился, а он как даст мне кулаком в глаз!

– Тебе? Кулаком? Как же так?

– Да сама не пойму... Растерялась я... Он ведь так улыбался... Короче, врезал мне, я самую малость ушла, а то бы точно вырубил... И кинулся в открытую дверь. Я со зла за ним рванула... И пиджаком случайно... за стойку зацепилась... – Тут Мегрэнь пугливо покосилась, но я безмолвство-

вала. – Вижу, сейчас сбежит... Ну я народ растолкала и прыгнула... То есть малость широкогато шагнула... чуток не рассчитала... Он с подножки и упал...

– Кто?

– Да парень тот. А кошелек у него из рук выпал, когда он завалился. Тут уж ребята подбежали, и Натиросов тоже... А кошелек на земле...

– И что?

– И все...

– Как все?

– Так... Нет у него кошелька – не за что его арестовывать.

– Глупость какая! Он сумку разрезал, тебя ударил...

– Свидетелей, как он резал, нет... Как меня ударил, тоже никто не видел. Зато когда от меня через башку кувыркнулся, весь автобус наблюдал. Шуму-то, знаешь, сколько было! К тому же кошелек так и не нашли. Пока там, на остановке, все орали, его кто-то втихаря поднял и смылся...

– А кошелек-то чей?

– Чей, чей... Мой!

– С деньгами?

– С деньгами. – Мегрэнь глубоко вздохнула и поднялась. – Ладно, дай во что-нибудь переодеться, пойду домой.

Я не стала вредничать и вновь допустила ее до своего гардероба. Мегрэнь подцепила свою сумку и поплелась к дверям.

– А Сашка потом спрашивает: «Что это ты все время каш-

ляля? Простудилась, что ли?» Ну не зараза?

– Зараза, – согласилась я.

Мегрэнь поднялась по лестнице, в конце пролета остановилась и оглянулась.

– Знаешь, Светка, не понравилось мне в сыскной группе. Хочу в убойный...

Я охнула и торопливо прикрыла дверь. Так далеко Мегрэнь еще не заходила...

– Кто старое помянет, тому глаз вон! – с нажимом произнесла Мегрэнь, потянулась и сбросила ноги с дивана. – Слышала такую поговорку? А в сыскной я точно не пойду... Масштаб не мой...

– Масштаб? – фыркнула я. – Ну да, тебе сразу Интерпол подавай! Слушай, может, для разнообразия появишься в альма-матер? Вышибут тебя оттуда, что тогда?

– Обижаешь, – хрюкнула подружка, – учеба в полном шоколаде... Ей-богу, не вру!

– Ага, – рассмеялась я, – а пальцы-то небось крестиком держишь!

Мегрэнь тоже рассмеялась и встала.

– Ладно, Светик, пойду... Дел у меня еще полно, собраться надо...

– Ты когда к тетке едешь?

– Сегодня вечером. Юрка отвезет. Через три дня вернусь.
Я кивнула:

– Всем привет передавай... И Юрке...

– Юрке только привет? – противным голосом протянула Мегрэнь и игриво повела тонкими бровями. – Может еще чего... на словах? Али на пальцах?

– Иди ты... – сердито буркнула я. – Давай топай, а то опоздаешь...

Она захихикала и взялась за дверную ручку:

– Ой, Свет, чуть не забыла: получи лекарство для Татьяны Антоновны. Я сегодня заказала, завтра после трех будет готово.

Забрав талон, я с облегчением закрыла за Тайкой дверь. В больших количествах у меня от нее начинает болеть голова. Но теперь три спокойных дня гарантированы, за это время я успею разделаться с накопившейся работой, а там, глядишь, и выходные. Напевая себе под нос песенку, я снова устроилась за столом и перевернула страницу. Так, что у нас здесь...

Я подняла голову и глянула в окно. На улице было совсем темно, в окнах дома напротив горел свет. Устало зажмурившись, я потерла переносицу. Ладно, остальное сделаю завтра, совсем немного осталось. Я собрала листы в стопку, поднялась и пошла на кухню.

Проходя по коридору, я вдруг увидела на тумбочке пестрый полиэтиленовый пакет. Это еще откуда? Я взяла его в

руки. Все ясно. Дорогая подруга заболталась до того, что забыла свои конспекты. В раздумье я взглянула на часы. Однако время позднее, скорее всего, Мегрэн уже уехала. Остается только надеяться, что пакет в ближайшие дни ей не понадобится.

– Растрепа! – не без удовольствия сказала я вслух и положила пакет на место.

– Георгиевская? Еще не готово! – не поднимая глаз, бросила мне полная пожилая женщина в белом халате и сердито шлепнула квитком по зеленой пластиковой стойке.

– А когда? – заискивающе спросила я, потому что заходить в аптеку еще раз вечером, делая большой крюк, не хотелось.

– После пяти... – отрезала провизор и повысила голос: – Следующий!

Стоявший позади маленький юркий мужичонка в кепке активизировался, попробовав оттереть меня от заветного окошка. Но я, не отрывая глаз от сердитой тетki, ткнула его согнутым локтем в бок, и он уgomонился.

– Здесь написано в три...

Тетка выпрямилась, подняла на меня глаза и печально вздохнула.

– Что ж я, по-вашему, читать не умею? Написано... Не

успевают сделать, понимаете? Работать некому!

Крыть было нечем, я скрипнула зубами и вышла на свежий воздух. Что делать два часа, один бог знает. Ехать снова на работу нет смысла, домой тоже. Придется два часа болтаться по улицам, одно утешение – погода хорошая.

Я неторопливо пошла по бульвару, осторожно поддевая мыском первые опавшие листья. Вот так всегда – не успеешь дожидаться начала лета, как оно уже закончилось... На глаза попалась садовая скамейка. Я села.

– Ой, бабуль, гляди, ручка! – услышала я и увидела шедших мимо старушку и девочку лет десяти в яркой оранжевой куртке.

Девочка быстро наклонилась и подняла что-то из листьев. Я распахнула глаза, опознав в ее руках свою собственную авторучку.

– Не трогай всякую гадость! – торопливо воскликнула старушка и, приблизившись к девочке, добавила: – Ой, какая красивая... Ну-ка, дай...

Я схватила в руки свою сумку и позеленела. Сбоку и снизу она была испорчена чем-то острым: в дыру спокойно входил мой кулак и так же спокойно выходил. Провожая тоскливым взглядом нарядную детскую куртку, я горько, вздохнула. Несомненно, эту пакость проделал тот плюгавый мужичонка в аптеке. Я попробовала вспомнить его лицо, но почти сразу поняла, что вспоминается в лучшем случае кепка. Выходило, что рассказы Мегрэни об изобретательности этой

братии – чистая правда. Пожалуй, подруга умрет от хохота, если ей рассказать. А меня постигнет трехчасовая лекция с полным разбором моего опрометчивого поведения.

Я поплелась обратно в сторону аптеки, хотя до назначенного срока оставалось еще полтора часа. Все мои сегодняшние планы полетели кувырком, к тому же до дома теперь придется добираться пешком. Денег ни копейки, и на дорогу уйдет не меньше, чем сорок минут. Я очень старалась смотреть на все произошедшее философски, но хорошего настроения это не прибавляло, и мне здорово захотелось всплакнуть.

Честно отсидев на жестком подоконнике час десять, я вновь сунулась в окошко рецептурно-производственного отдела. Здесь уже сидела другая женщина. Мельком глянув на талон, провизор покрутила круглую стойку с готовыми лекарствами и поставила передо мной большой пузырек с темно-коричневой жидкостью.

– Георгиевская? – прочитала она фамилию на этикетке. Я кивнула. – По столовой ложке после еды...

Я забрала бутылочку и, понуро кивнув, поплелась к выходу.

Когда я подходила к дому, уже начинало темнеть. Чтобы сократить путь, я пошла через двор. Натруженные ноги ныли – угораздило же меня именно сегодня взгромоздиться на двенадцатисантиметровые каблуки! До подъезда оставалось метров двадцать, я шла и тихо ненавидела свои любимые туфли, предвкушая, словно награду за мерзкий сегодняшний

денек, как сброшу их на коврике у двери.

– Светлана Сергеевна! – Я вздрогнула, но по инерции продолжала идти. – Светка, привет!

Я сбавила скорость, оглянулась и едва не взвыла с досады. Опять мне не везет! Мало того, что каждый малолетний сопляк, пусть даже он и наш участковый инспектор, считает возможным называть меня просто Светкой, трепетно ожидаемое снятие туфель явно откладывается.

– Добрый вечер, Ринат.

– Как дела?

– Прекрасно! – с энтузиазмом соврала я.

Рината Тахировича Маноева, бывшего Тайкиного одноклассника, я не любила. Не из-за того, конечно, что он, как и Мегрэнъ, был моложе меня на три с лишним года и позволял себе в неофициальной обстановке называть меня Светкой. Ринат был фанатом. И ладно бы, если это был футбол или собрание спичечных коробков, так нет же. Все было гораздо серьезнее – Ринат был фанатом своей работы. Он не был женат, не имел детей и поэтому все свое свободное время посвящал любимому делу. Каким-то непостижимым образом выходило, что большую часть этого самого свободного времени участковый проводил на моей кухне, называя происходящее «работой с населением». Третьим участником кухонно-правовых семинаров была, естественно, Мегрэнъ. Закусывая бутербродами, они вдвоем горячо убеждали меня, насколько важна профилактика предупреждения подростко-

вой преступности посредством вовлечения вышеуказанных малолетних правонарушителей в общественно-полезные мероприятия. Или подробно разбирали наиболее распространенные причины семейно-бытовых ссор. Я кротко кивала, тихо сатанея и поглядывая украдкой на доставшуюся мне от бабушки чугунную сковородку с длинной кованой ручкой. Но светлая бабушкина память удерживала меня от того, чтобы применить сей, как выяснилось, весьма распространенный в бурных семейных разборках предмет обихода по не самому прямому назначению. Дойдя до точки кипения, я извиняющимся тоном робко намекала, что мне необходимо уйти и разбор графика роста преступности на нашем участке за последний квартал придется отложить до следующего раза.

Это продолжалось довольно долго, пока в один благословенный день они не преступили черту и не переполнили чашу моего ангельского терпения.

В нашем районе готовился милицейский рейд по наркоманским притонам. Факт сам по себе замечательный и заслуживающий всякого одобрения. Если бы только в нем в качестве подсадной утки, то есть якобы наркоманки, не взялась участвовать дорогая подруга. Ринат Тайку благословил, дал последние наставления и удалился. Я попробовала воззвать к рассудку Мегрэни, но все было тщетно.

Однако, несмотря на неугасимую решимость, добираться поздней ночью до нужного дома, расположенного в самом криминальном квартале района, в одиночку подруге яв-

но было страшновато. И мое доброе сердце вновь сыграло со мной злую шутку: я согласилась ее проводить и подождать у подъезда...

В результате операция под кодовым названием «Игла» была проведена блестяще... Как сказал бравый красномордый майор с автоматом на плече: «Ни одна сволочь не ушла!» И это было истинной правдой...

Потом мы долго сидели в тесном заплеванном «обезьяннике» местного отделения милиции. Мегрэнъ бросала в мою сторону короткие пугливые взгляды, мерцала свежеприобретенным фингалом и, прячась за чужими душистыми спинами, старательно жалась в дальний угол... Выслушивая от дежурного все, что он думает о нашей дружной, шумной и дурно пахнущей компании, я терпеливо вздыхала.

Наконец по ту сторону решетки я разглядела нашего бравого участкового. После чего поняла, что мои глаза медленно, но верно наливаются горячей кровью, словно стакан кипятком. Весьма успешно сделав вид, что видит меня первый раз в жизни, Ринат сказал что-то сидящему за столом дежурному. Тот встал и направился к «обезьяннику». Я сверлила участкового пристальным гневным взглядом, но он увлеченно разглядывал потолок.

– Лапкина, Митрофанова! На выход!

Веселый гадюшник на секунду перестал шуршать, проводил наши спины завистливым дружным вздохом и зашелестел снова.

Мы вышли на улицу. Я жадно втянула в легкие свежий воздух и развернулась к своим спутникам.

– Если я тебя еще хоть раз увижу возле моей квартиры... – стискивая ледяные от злости кулаки, вежливо прошипела я, – я тебе бабушкиной сковородкой все ребра пересчитаю... – Ринат застенчиво моргал. – А ты... – Мегрэнь торопливо отступила назад и преглупо улыбнулась. – Ты у меня дождешься...

С тех пор тематические чаепития в моей квартире сами собой прекратились. При встречах на улице участковый неизменно оживлялся, улыбался, здоровался, называя меня по имени-отчеству, но взгляд отводил в сторону. В моих отношениях с правоохранительными органами теперь наступила полнейшая идиллия, представлявшая собой взаимовыгодный нейтралитет. Как говорится, ни вы к нам, ни нам не надо.

Поэтому, услышав за спиной радостный голос участкового, обращавшегося ко мне в весьма фамильярной форме, я заволновалась, вообразив, что Ринат расслабился и снова взялся за старое.

– С работы? – поравнявшись со мной, проникновенным голосом поинтересовался он.

Я угукнула и улыбнулась, решив, что этого вполне доста-

точно для того, чтобы мирно распроститься возле подъезда. Но Ринат вдруг протянул руку и ловко уцепил за ремешок мою сумку:

– А это у тебя чего?

Я запоздало дернулась, пытаюсь прикрыть сумку, однако она уже была в руках неугомонного Тайкиного друга.

– Э-э... – весело протянул он, поддевая пальцем вывернувшийся кожаный лоскут, – вот оно в чем дело!

Скрипнув зубами, я в досаде опять про себя ругнулась. К бабке не ходить, что Мегрэни проболтается...

– И где?

Неопределенно дернув плечом, я попыталась замять разговор, но ничего не получилось. Ринат принялся страстно доказывать, что ничего еще не потеряно, все можно найти и вернуть, нужно лишь постараться вспомнить и чистосердечно сообщить все обстоятельства дела. Я верила, кивала, пытаюсь отобрать свою сумку, и готова была еще дать денег, только бы от участкового отвязаться. Таким образом, мы с Ринатом вцепились в сумку с разных сторон, и не знаю, чем бы все это могло кончиться, если бы я в отчаянии не взревела:

– Что, сковородкой хочешь?

Ринат надулся и сумку отпустил. Я развернулась и, прихрамывая, рванула в парадное, услышав вслед обиженное:

– Ну не хочешь, и не надо...

Оказавшись в родной квартире, я первым делом скинула

туфли и влезла в тапочки. В суровых житейских тонах вновь забрезжили розовые оттенки, и я благостно перевела дух.

– Вообще-то, наверное, зря я так с Ринатом... – сказала я самой себе, глядя в зеркало. – Он неплохой парень и хотел помочь. Но... – Тут я сурово прищурилась и подняла вверх указательный палец, – ...стоит лишь на секунду расслабиться, как он снова будет сидеть на твоей кухне и тыкать тебе в нос справочник участкового инспектора милиции...

Я переоделась и, прихватив пузырек с лекарством, поднялась на пятый этаж. Именно здесь в квартире номер девятнадцать проживала Татьяна Антоновна Георгиевская, милейшая старушка весьма почтенного возраста.

Я помнила ее ровно столько, сколько помнила саму себя. Раньше Татьяна Антоновна приятельствовала с Тайкиной бабушкой, но семь лет назад Тайкина бабушка умерла. Татьяна Антоновна так переживала смерть единственной подруги, что слегла, а поскольку никого из родственников у нее не было, то ухаживали за ней Тайкины родители и соседи. Когда Татьяна Антоновна поправилась, мы с Тайкой продолжали к ней заглядывать, помогали по хозяйству и бегали в магазин. Вряд ли эти отношения можно было назвать дружбой, но нам очень нравилось бывать у старушки в гостях.

В квартире Татьяны Антоновны витал особенный дух утонченности и благородства. Здесь хотелось говорить: «Будьте любезны!» или «Если вам не трудно!» Здесь у меня никогда не поворачивался язык назвать Мегрэнь дурой, да-

же если она вполне этого заслуживала.

– Здравствуй, Светлана! – приветливо улыбнулась Татьяна Антоновна, разглядев меня на пороге. – Заходи, голубушка... Давненько не заглядывала к старухе... Все, поди, женихи не пускали?

Я смущенно хлопнула глазами и покраснела так же, как и в первом классе, когда Татьяна Антоновна задавала мне точно тот же вопрос. А хозяйка негромко рассмеялась и привычным жестом поправила волосы, аккуратно собранные в пучок на затылке.

– Я чай села пить, составь мне компанию, – позвала она, – если не торопишься...

– Конечно, с удовольствием... – Хозяйка указала мне на буфет, я достала чашку и села рядом за большой круглый стол, покрытый желтой скатертью. – Я вам лекарство принесла... Вот... Тайка заказала, а я сегодня получила...

За чаем я поведала Татьяне Антоновне о своих сегодняшних злоключениях. Впечатлительная старушка долго охала, удрученно качая головой. Я качала головой ей в такт и заново себя жалела.

– Что ж, – в который раз переспрашивала Татьяна Антоновна, – и деньги украл?

– И деньги... – снова кивала я, – кошелек жалко...

Наконец я поднялась.

– Спасибо, я пойду... Завтра на работу...

– Конечно, конечно... За лекарство спасибо. Что бы я без

вас с Таисией делала? Когда она вернется?

– Послезавтра...

Татьяна Антоновна задумчиво кивнула:

– Это хорошо... Светлана, может, тебе денег одолжить? Я только пенсию получила, если надо, бери, пожалуйста...

Прикинув, что в свете сегодняшнего происшествия пара сотен до полочки мне вовсе не помешает, я согласилась. Провожая меня, Татьяна Антоновна таинственно улыбнулась:

– Вернется Таисия, заходите, чайку попьем. У меня для вас подарки есть... – Я глянула на нее с удивлением, а она добавила: – Просто... на память...

Я попрощалась и вышла за порог. Спускаясь вниз по лестнице, повертела в кулаке деньги:

– Да... симбиоз...

Субботнее утро началось отвратительно. Вечером я забыла отключить зуммер у будильника, поэтому в половине седьмого подскочила на кровати и привычным жестом шарахнула по верещащему квадратику. Несколько секунд я очумело моргала на противоположную стенку, не понимая, отчего же мне так мерзко. Сердце колотилось в ребра, словно собиралось выбраться наружу по кратчайшему расстоянию, а со лба градом катился пот. Я провела дрожащими пальца-

ми по лицу и сделала глубокий вздох.

– Слава богу, – прошептала я, вновь откидываясь на подушку, – это просто был кошмар...

Громкий звонок заставил меня взвиться вверх. Не успев открыть глаза, я рванулась вперед и снова шарахнула ладонью по будильнику. Но трезвон не прекращался, и я сообразила, что это телефон, верещащий словно кот, которому наступили на хвост.

– Господи, – буркнула я, торопливо соскакивая на пол, – что за утро! Алло...

Едва я успела открыть рот, как из трубки раздался громкий вопль, заставивший меня вздрогнуть. Но это не помешало мне узнать голос дорогой подруги, и, пытаясь прервать мощнейший словесный водопад, звучавший к тому же на повышенных тонах, я торопливо пискнула:

– Мегрэн!

Это было словно бросить щепку в реку – подруга меня просто не слышала. Я смирилась и стала ждать. Вскоре из отдельных брызг удалось разобрать некоторые слова, и я здорово озадачилась. Чаще всего Мегрэн повторяла слово «сволочи», также отчетливо слышалось «обчистили» и «убью». Я повесила трубку, влезла в джинсы и, натягивая на ходу футболку, взлетела на пятый этаж.

Дверь Мегрэнкиной квартиры была распахнута настежь, сама Мегрэн стояла в коридоре и орала на телефонную трубку. Я подошла, с трудом вытащила трубку из ее стисну-

тых пальцев и, развернув Мегрэнь к себе, отчетливо сказала:
– Все! Я здесь!

Она подняла на меня отсутствующий взгляд, моргнула и с неизвестно откуда взявшимся хладнокровием сообщила:

– Меня обокрали.

– Вижу, – отозвалась я, разглядывая живописный бардак, в который превратилась подружкина квартира. – Не зря мне сегодня кошмар снился... В милицию звонила?

Мегрэнь покачала головой. Я посмотрела на исписанную телефонами бумажку, приколотую булавкой к обоям возле тумбочки, и набрала номер нашего отделения.

– Что? – переспросил меня дежурный, после того как я поведала ему все, что думала по поводу Мегрэниной квартиры. – Как вы сказали? Лапкина? Таисия Алексеевна? Вы что, шутите?

– Почему? – растерялась я. – Какие здесь могут быть шутки, у нее вся квартира перевернута... Хозяйка в шоке...

– В шоке, говорите? – развеселился вдруг дежурный. – Ну если в шоке... А ваша как фамилия?

Я сообщила веселому милиционеру свои основные анкетные данные и повесила трубку.

– Дожила, – с упреком сказала я, подходя к Мегрэни, удрученно разглядывающей с порога свою гостиную, – у дежурного при упоминании твоей фамилии счастливый припадок случился... Мне даже показалось, что он почему-то мне не поверил... А, Тась?

Подруга, целиком погрузившись в себя, безмолвствовала, словно изваяние. Я прошла на середину комнаты и нагнулась, собираясь поднять вазу, но тут хозяйка ожила:

– Нет!

Я выпрямилась, Мегрэнъ ткнула в пол указательным пальцем и недовольно произнесла:

– Не топчись по уликам...

Она сурово свела брови, развернулась и шагнула обратно в коридор. Движимая любопытством, я направилась следом. Неожиданно подружка локтем поддела дверцу хозяйственного шкафчика и взяла с полки резиновые перчатки. Я открыла рот.

– Так, так... – деловито забормотала Мегрэнъ, опускаясь на корточки возле входной двери, – что тут у нас...

Она повертела носом вдоль косяка, потом осмотрела замок и, встав на четвереньки, принялась шарить по полу. В таком виде ее и застали поднимающиеся по лестнице доблестные работники правоохранительных органов.

– Ба, Таисия Алексеевна! Да здесь следствие в полном разгаре! – воскликнул, разводя руками, поднявшийся первым розовощекий крепыш. – А мы, грешным делом, решили, что это розыгрыш.

В следующее мгновение лестничная клетка до отказа заполнилась людьми в форме. Я торопливо отступила в сторону, безмерно удивившись тому, как много сотрудников милиции прибыло на раскрытие такого незначительного пре-

ступления, как квартирная кража. В первых рядах сплоченных милицейских органов я узрела Рината Тахировича – он светился, словно именинник.

– Доброе утро, Светлана Сергеевна! – радостно воскликнул он и, подскочив, крепко тряхнул меня за кисть. – Ну как, больше с вами ничего не приключилось?

Я выдернула руку и шарахнулась в сторону, одновременно скосившись на Мегрэнь, которая уже наострила уши, как хорошая собака.

– Здравствуйте, Ринат Тахирович! – Я торопливо ткнула в сторону ползающей по полу Мегрэни: – Вот, Таисию обокрали...

Ринат сосредоточился и переключился на текущее происшествие. Все остальные обступили нас плотным кольцом, с интересом разглядывая Мегрэнь, набирающую в легкие побольше воздуха.

«Ну, дорогая, пришел твой звездный час!» – подумала я и не ошиблась.

В течение двадцати минут Мегрэнь с воодушевлением повествовала о том, как три дня гостила у родной тетки. Она могла бы остаться там и подольше, но, к сожалению, ее старшему брату... В смысле, старшему брату Мегрэни, потому что старший брат тетки, дядя Вася, живет в Обнинске, и они давно не виделись, потому что...

– Итак, – вдруг решительно встрял наш геройский участковый, – твой... то есть, ваш старший брат... Юрий Алексе-

евич Лапкин высадил вас возле подъезда... Так? Во сколько?

– В десять двадцать три, – отрезала Мегрэн, отвернувшись от Рината и, обращаясь в дальнейшем к розовощекому старлею, продолжила: – Поднялась... Сумку поставила, ключи вытащила... Не успела даже в замочную скважину ключ вставить, на ручку нажала, дверь и открылась... Вошла – вся квартира вверх дном... Со всех полок все выброшено... Сами посмотрите, чего рассказывать...

Толпа согласно загудела и удалилась вглубь квартиры. В коридоре остались только я, Ринат и Мегрэн.

– Что пропало? – спросил Ринат.

– Пока не знаю, – дернула плечами подруга. – А в отделении кто-нибудь остался или все пришли? Вы там что, квартирных краж не видели?

Ринат хрюкнул от смеха и смущенно потупился.

– Понимаешь, половина мужиков по червонцу поставили, что это розыгрыш...

Я только головой покачала, а Мегрэн полюбопытствовала:

– Ну ты-то внакладе не остался?

– Нет, – снова расплылся участковый и посмотрел на меня: – Я как увидел в журнале, кто заявку сделал, сразу согласился... Вот, на обед денег срубил...

– Ну и ну, – вздохнула я и ушла на кухню.

Примерно через час ко мне присоединилась Мегрэн.

– Знаешь что? Это очень странно, но, похоже, что ничего

не пропало...

– Как это?

– Так... Деньги, сережки золотые... видик, плеер... Все на месте.

– Может, не нашли?

– Как не нашли? Все в куче на полу. И дверь ключом открыта. Я ничего не понимаю.

– А Ринат чего говорит?

– Ринат чего? Ринат убивается. Те, кто в споре продулся, говорят: раз ничего не украли, значит, кражи не было.

– И Что?

– Ничего. Пришлось деньги обратно отдавать. Ничья у них вышла. Без обеда остался.

– А если без смеха?

– Без смеха здесь нельзя, – заявил появившийся в дверях кухни Ринат и, обращаясь ко мне, озабоченно сказал: – Светлана Сергеевна, дайте-ка ваши пальчики скатать, чтобы вхолостую не работать.

На кухне появился долговязый дядька с усами и квадратным чемоданчиком в руке. Я горько вздохнула, а дядька быстро изгваздал мне всю руку темной краской и моментально удалился.

Пока я удручённо разглядывала плоды дядькиных трудов, в дверном проеме вдруг появился старший Тайкин брат Юрка.

– Ой, привет! – Я вытаращила глаза, хлопнула ресницами

и покраснела.

– Здравствуй, Светик... – со значением отозвался мой бывший одноклассник, протянул раскрытую ладонь и одновременно попытался заглянуть в глаза.

Глаза я весьма удачно спрятала, потому что, когда Юрий Алексеевич Лапкин все же умудрялся туда заглянуть, я краснела не то что до кончиков ушей, а даже до кончиков волос.

В глазах Юрки Лапкина я неизменно видела одно и то же: преданность и молчаливое обожание, полнейшую покорность судьбе и твердую решимость не отступать от своей цели. Разделить Юркины чувства я не могла, потому что уже с четвертого класса не терпела голубоглазых блондинов, а Юрка влюбился в меня только в пятом. По малолетству выражение этого светлого чувства принимало иной раз самый экзотический характер. Повзрослев и поумнев, Юрка несколько изменил тактику ухаживания, перейдя от дерганья за волосы и отбирания сладостей к дарению букетов. Это несколько смягчило наши отношения, но поставленной цели Лапкин-старший не достиг. Со школьной поры много воды утекло, жизнь развела нас в разные стороны, неизменным осталось лишь одно нерушимое, сцементировавшее нас с Юркой кольцо – Мегрэнь. Именно это позволяло ему периодически появляться на моем жизненном горизонте, заглядывать в глаза и с надеждой тянуть:

– Здравствуй, Светик...

Когда основная милицейская масса покинула пределы

Тайкиной квартиры, Ринат вернулся.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – браво гаркнул он и взял под козырек. – Разрешите войти?

Юрка усмехнулся и кивнул:

– Входите, лейтенант, сделайте любезность... Можете садиться... Ну-ну... Как допустили подобное происшествие на вверенном вам участке?

Мегрэнь нервно закатила глаза к потолку и вдруг рявкнула:

– Хватит дурака валять! «Разрешите-заходите!» В кабинетах своих идиотничайте, а здесь, будьте так любезны, не откажите, Христа ради, устройте... этот... мозговой штурм...

Мужчины посуровели и заворочали извилинами. Воспользовавшись моментом, я юркнула в ванную и попыталась придать своим пальцам первоначальную свежесть. Когда я вернулась, все трое усиленно дымили сигаретами и разглядывали кухонный потолок. Ринат задумчиво протянул:

– Хулиганство?

– Не исключена мелкая кража... – нехотя отозвался Юрка.

– Может маньяк? – скривила губы Мегрэнь и вопросительно изогнула бровь.

Я усмехнулась, затем, грациозно лавируя среди разброшенной кухонной утвари, пробралась к окну и распахнула створки. Маньяк – это то, что подружке очень понравится. Тут Юрка активно замахал ладошками, разгоняя сигаретный

дым, и озаботился:

– Все... все... хватит курить, Света вернулась...

– Нет, – качнул головой Ринат, – не маньяк. Маньяк бы не вывалил все просто в кучу. Коли уж он маньяк, значит, у него какая-то своя фишка есть, ну... ритуал, что ли... К тому же, насколько мне известно, ничего подобного в районе не было. А если бомжи, то продукты пропадают, да и помыться они при случае любят...

– Точно, – поддакнул Юрка, – это не маньяк. Но вот что меня интересует, так это ключ...

– А что ключ? – вдруг насторожилась я, почувствовав где-то в районе желудка непонятную маету.

– Дверь ключом открыта, – пояснил Юрка, – причем родным... Тайка, а где твой запасной ключ?

Подружка растерянно моргнула и покосилась на меня. После чего они выставились на меня втроем, я заерзала и храбро спросила:

– Ну и чего вы вылупились?

– Светка, – прищурилась Мегрэн, – а где мой запасной ключ?

Неожиданно осознав причину своей желудочной маеты, я тихо отозвалась:

– В сумке...

– В той, которую порезали? – неожиданно встрял участковый.

Мегрэн повела ушами и взбодрилась:

– Тебе чего, сумку порезали? – Я коротко кивнула, и подруга зацвела. – Да ну-у! Давно? А где? Кто? А чего молчала?

– Чего-чего! – хмуро отворачиваясь, огрызнулась я. – Мне что, с плакатом надо было бегать?

Мегрэнъ еще целых полчаса вынимала из меня душу расспросами, подробно комментируя каждое мое слово и напроочь позабыв о своей собственной проблеме.

– А как же ты квартиру открыла? – смог, наконец, прорваться Юрка.

Я пожала плечами:

– Свои ключи я в сумку не кладу, только в карман...

Юрка одобрительно кивнул, Мегрэнъ не утерпела:

– Конечно, чужое не жалко. Ну да ладно! Давайте-ка сейчас приберемся, а после поговорим...

– А? – встрепенулся участковый, заслышав слово «приберемся». – Так, ладно, мне пора... Буду держать вас в курсе... Разрешите, товарищ капитан?

– Давай, – сделал отмашку Юрий Алексеевич, и Ринат живо убрался вон.

– Ты зачем его отпустил? – набросилась на брата Мегрэнъ. – Теперь сам убираться будешь!

– Ладно, – покладисто кивнул тот, – только налей сначала кофейку, я ведь даже до дома не успел дойти, когда мне Ринат позвонил. Я сразу и примчался.

Я окинула взглядом Тайкину кухню и сказала:

– Ладно, пошли ко мне... Твой, Тайка, кофе вместе с ма-

каронами в раковине перемешан...

– Вот сволочи, – скрипнула зубами подруга, мельком глянув в мойку, – не съели, так изгадили.

Мы спустились вниз. Попад в свой коридор, я сразу на-
ткнулась на Тайкин пакет.

– Мегрэнъ, ворона несчастная, ты у меня пакет в прошлый раз оставила, – я махнула в сторону тумбочки.

– Тьфу ты! – всплеснула та руками. – А я про него совсем забыла! Это ж меня Татьяна Антоновна свою папку из сейфа просила забрать... Пойду-ка, отнесу, а то неудобно, Татьяна Антоновна ждет, наверное...

– Конечно, ждет, – хмыкнула я. – Дня три-четыре...

Мегрэнъ скорчила рожу и исчезла за дверью. Я мельком глянула в зеркало и прошла на кухню.

Юрка стоял возле окна, делая вид, что разглядывает улицу.

– Чай, кофе? – поставив на плиту чайник, я села, исподтишка разглядывая просторную Юркину спину.

– Угу, – сказал Юрка, не отрываясь от улицы, – все равно...

– Мне тоже все равно, – я пожала плечами, хотя он и не мог этого видеть.

– Я знаю... Тебе всегда все равно... – Тут Юрка развернулся и сел напротив. – Правильно?

Подобные разговоры я терпеть не могу. Однако, памятуя, что Юрка здесь все-таки гость, решила не заводитьсь по пу-

стякам и улыбнулась:

– Наверное, лучше кофе?

Он кивнул, на мгновение замялся, и вдруг позвал:

– Свет...

И тут мы услышали... вой. Первоначальное его происхождение определить не удалось, поэтому мы с Юркой одновременно разинули рты и выставились друг на друга. Вой оборвался столь же внезапно, как и начался... Прошло несколько секунд, мы терпеливо ждали, напряженно вслушиваясь в наступившую тишину.

– Юрка... – начала я почему-то шепотом, и в то же мгновение жуткий звук повторился, и теперь уже стало совершенно ясно, что это человеческий крик.

– Подъезд... – неуверенно проронил Юрка и рванул в коридор.

Тонко взвизгнув, я бросилась вслед за ним, уже отчетливо слыша, как захлопали двери на этажах.

Пока мы открывали дверь, крик прекратился. Выскочив вслед за Юркой на лестничную клетку, я с размаху тюкнулась носом ему в спину, потому что он притормозил, недоуменно вертя головой и прислушиваясь. Снизу и сверху раздавались испуганные голоса жильцов.

Юрка резко запрыгал вверх по лестнице, разом перелетая через три ступеньки. Хотя лично мне показалось, что крик раздавался снизу, но я доверилась Юркиной интуиции и побежала следом. Не успели мы преодолеть первый лестнич-

ный пролет, вопли раздались снова, и я совершенно точно поняла, что это Мегрэнь.

Прижавшись спиной к стене и закрыв глаза, Мегрэнь сидела на полу лестничной клетки возле своей двери и орала. Дверь в квартиру Татьяны Антоновны была распахнута настежь.

– Тайка! – гаркнул Юрка, подскакивая к упорно вопящей сестре. – Что с тобой?

Он схватил ее в охапку и тряхнул, после чего Мегрэнь заткнулась и на нас глянула. Взгляд у нее был просто чумовой, она поворачивала белками и неожиданно тихо протянула:

– Ничего...

Мы с Юркой переглянулись:

– Ну-ка, помоги...

Мы потянули Тайку вверх. Слабо отмахнувшись рукой, она повторила:

– Ничего... – и, ткнув пальцем в сторону распахнутой соседской двери, добавила: – А там...

– Это опять я! – с трудом сдерживаясь от рыданий, тонким голосом крикнула я в трубку. – Приходите, пожалуйста, быстрее!

– Здорово, – сердито отозвался дежурный и засопел. – А это я. И куда вы звоните, по-вашему?

– В милицию... – заскулила я жалобно. – Это я, Митрофанова... Я вам сегодня уже звонила...

– Это которая Митрофанова? – проявил наконец интерес милиционер.

– Соседка Таисии Лапкиной... которую ограбили... только ничего не украли...

– Что, опять? – при упоминании Тайкиной фамилии дежурный заново развеселился.

– Нет, – всхлипнула я, – не опять... Убили... соседку нашу... Татьяну Антоновну...

Через десять минут на пятом этаже нашей хрущевки снова толклась орава милиционеров. Правда, на сей раз их было меньше, чем на Тайкиной краже. Одним из первых прибыл Ринат Тахирович, он выглядел суровым до неузнаваемости, и левое веко у него странно дергалось. Однако среди знакомых милицейских портретов вскоре появилось несколько новых. И хотя они были в штатском, остальные обращались к ним с подчеркнутым уважением, брали под козырек, и я сообразила, что прибыл кто-то из высших чинов. Юрка с первых же минут окунулся в самую гущу событий, со штатскими здоровался за руку и вообще вел себя весьма активно. А мы с Мегрэнью снова сиротски жались на кухне, поливая друг другу плечи горячими слезами страха и жалости.

Вскоре к нам пришел участковый. Положил на стол фуражку, невесело усмехнулся и покачал головой. Хлопая носами, мы с Тайкой молча наблюдали за Ринатом, словно ожи-

дали от него чуда. Но Ринат сел за стол, сцепил пальцы и протянул:

– Ну, девчонки, дела... Бывает же такое... – Он пожевал губами и недоуменно пожал плечами. – Кому старуха помешала? Так, сейчас следователь придет, расскажите, что знаете...

В коридоре слышались шаги, и на кухне появился невысокий коренастый мужчина в кожаном пиджаке, улыбающийся так приветливо, будто его пригласили на именины. Вслед за ним появился Юрка и, указав на нас мужчине, сообщил:

– Это Таисия, моя сестра... А это – Светлана Сергеевна Митрофанова.

Мужчина радостно затряс головой:

– Удальцов Андрей Михалыч... Старший следователь...

Мы с Тайкой смотрели на Андрея Михалыча хмуро и радости его совсем не разделяли.

– Таисия Алексеевна, расскажите с того момента, как вы подошли к двери Георгиевской... – попросил тот и снова улыбнулся.

– Я забыла перед отъездом отдать ей пакет, – начала Тайка, голос у нее дрогнул, но она справилась, – и он остался у Светы. Я решила его отнести и поднялась наверх. Несколько раз звонила, она не открывала... Не знаю, почему я нажала на ручку... Но я нажала, и дверь вдруг открылась. И я подумала, что Татьяна Антоновна... куда-то ушла и забыла запе-

реть замок. Заглянула в коридор, а там все валяется... ну как у меня... Я стала ее звать и сразу прошла в комнату. Там было темно, потому что шторы были задернуты. И я удивилась, потому что Татьяна Антоновна не любит... не любила сидеть в темноте. Я зажгла свет и увидела ее на диване... Сначала я подумала, что она спит.

Здесь она не выдержала и взвыла. Юрка сунул ей стакан с водой, Тайка постучала зубами о стекло и немного успокоилась.

– Тогда я подумала, может, у нее болит голова... И еще я увидела в комнате такой беспорядок.... Понимаете, просто у нее не могло быть такого... Я подошла и...

Дальше подружка не смогла рассказывать. Она заплакала, давась слезами, и, как мы ни старались, успокоить ее не могли. Да и немудрено было зарыдать. То, что увидела Мегрэнъ, и злейшему врагу увидеть не пожелаешь.

Когда мы с Юркой влетели на лестничную площадку и она махнула рукой на дверь Татьяны Антоновны, мне и в голову не могло прийти ничего подобного. Я просто вошла в коридор, с удивлением разглядывая царящий там бардак, и прошла дальше в комнату. Татьяна Антоновна лежала на старинном кожаном диване, и первой мне бросилась в глаза напряженность ее позы. Я подошла ближе. Старушка была в ночной сорочке, а на левой ноге – домашняя тапочка. Это меня и удивило, я не могла представить, чтобы Татьяна Антоновна лежала на диване в тапочках.

– Татьяна Антоновна, – тихо позвала я, – вам плохо? Татьяна....

Я наклонилась и вдруг увидела, что глаза ее открыты. Рот застыл в напряженной гримасе, реденькие седые волосы разметались по багровому отекающему лицу... Последнее, что я успела увидеть, – забрызганный бурыми пятнами белоснежный воротничок... Я потекла вниз на растаявших ногах, и перед глазами все расплылось дрожащей мутью.

– Светка! – Юркин голос не дал мне грохнуться в обморок, я оглянулась и уцепилась за его плечо. – Что?

Ему хватило одного мгновения, чтобы понять, что произошло. Подобное он видел гораздо чаще моего, поскольку служил в шестнадцатом отделе МУРа, но в это мгновение голос у него дрогнул.

– Татьяна Антоновна? – то ли спросил, то ли позвал, потом схватил меня за плечи и толкнул к дверям. – Иди, звони... Забери Тайку – и марш на твою кухню!

На негнущихся ногах я добралась до коридора. По лестнице уже поднимались недоуменно перешептывающиеся соседи. Краснощекая Верка-парикмахерша с четвертого этажа пугливо глянула мне в лицо и быстро перекрестилась:

– Мать божья!

Часы на моей кухне показывали половину одиннадцато-

го, когда старший следователь Удальцов поднялся, поблагодарил нас с Мегрэнью неизвестно за что и удалился. Юрка вышел вслед за ним, и я услышала, как они шепчутся в коридоре.

Мегрэнь сжала виски руками и, раскачиваясь взад-вперед, прошептала:

– Светка, неужели все это взаправду?

Я вздохнула:

– Не зря мне сегодня кошмар приснился.

Хлопнула входная дверь, вернулся Юрка.

– Что теперь будет? – спросила Мегрэнь, и губы ее скривила жалобная гримаса.

– Что и всегда, – развел руками Юрка, – следствие... Хотя тут...

Он многозначительно пожал плечами, давая понять, что подобные преступления раскрываются далеко не всегда.

– А когда... ее? – нервно кляцнув зубами, спросила я.

– Точно сейчас нельзя сказать... Около суток.

– Ножом?

– Нет, задушена.

– А откуда кровь?

– Мочки порвали. Видимо, серьги выдернули...

– Серьги? – изумилась я. – Да они у нее простенькие были...

– Не скажи, – вдруг встряла Мегрэнь, – как раз наоборот. Мы один раз с ней болтали, разговор о камнях зашел.

Она свою сережку сняла и говорит: «Видишь, камешек какой невзрачный? Это потому, что ты не разбираешься. Да я их специально и не чищу, чтобы зря глаз не мозолить...» Это, говорит, алмаз. А работа старинная, теперь такие не в моде... Вот так...

– Мне и в голову не приходило, – призналась я. – Выходит, ее могли из-за сережек убить?

Юрка хмыкнул:

– Не исключено, раз так... Если, конечно, нашелся человек, который в этом разбирается...

Я вытащила из бара бутылку коньяка.

– Просто так все равно не уснуть... Помянем Татьяну Антонову...

Ближе к полуночи Юрка встал и потянул Мегрэнь за руку:

– Пойдем, поздно уже...

– Юрка, – встревожилась та, – ты ведь у меня останешься? Я одна не могу...

– Останусь, останусь, – недовольно забубнил Юрка, подталкивая ослотившуюся от выпитого коньяка сестренку. – А ты как, не боишься?

Он оглянулся, и я замотала головой:

– Нет, я в порядке. Спокойной ночи...

По большому счету, я Юрке соврала. Но сидеть на кухне уже не было сил, ныла спина, и я почти обрадовалась, когда за семейкой Лапкиных захлопнулась дверь. Хотя, казалось бы, после такого безумного дня уснуть может только самый

бесчувственный человек. Но глаза упорно слипались, и я поплелась в комнату.

– Может, это просто кошмарный сон? – Проходя мимо, я с надеждой глянула в большое овальное зеркало, висевшее в коридоре.

Зеркало явило взору покрасневшие веки и мешки под глазами, я вздохнула и покачала головой. Одно верно – все это настоящий кошмар.

Я рухнула в кровать как подкошенная. Ноги и руки налились свинцом, и сон навалился, словно большой лохматый медведь, нещадно давя и не принося желанного отдыха. Подушка жгла лицо, одеяло обвивало ноги, я вскакивала, крича, и валилась снова, скуля от жалости к себе самой.

Ближе к утру немного полегчало. Но вот ледяные тиски снова стиснули затылок, и, застонав, я попыталась поднять голову... Однако тело не хотело слушаться. Кошмар продолжался. Устав от бесплодной борьбы, я подумала: «Я должна проснуться... я обязательно должна проснуться...» Под веками набухли горячие слезы, и жгучие ручейки потекли по щекам... Подушка намокла, а я начала задыхаться... И вдруг поняла, что не сплю...

– Кто здесь?! – рванулась я вверх, но холодные пальцы еще сильнее стиснули голову, рывком вдавив лицо в подушку.

Подавившись собственным криком, я задержалась, пытаюсь вырваться. Но рука все давила и давила, виски прокололо вспышкой дикой боли, и сознание поплыло... Тут хват-

ка ослабла, и я судорожно вздохнула, Впрочем, уже мало что соображая.

– Ну что, утомонилась? – насмешливо прошептал кто-то, склонившись к самому моему уху.

И тихо рассмеялся, так, словно вдалеке глухо ударил хриплый колокол...

А я лежала, уткнувшись в промокшую от слез подушку, дрожа от слепого ужаса. Что это – страшный сон или продолжение дневного кошмара? Кто здесь? Кто сидит рядом, сжимая стальными пальцами мой затылок?

Не знаю, сколько прошло времени: может, час, а может, минута. Мне казалось, что я слышу какие-то звуки. Шорохи... Шаги... Вдруг громко звякнуло стекло.

«Ваза...» – неожиданно поняла я, а пальцы на моем затылке чуть заметно дрогнули, и мужской голос раздраженно прошептал:

– Тихо!..

Вскоре кто-то осторожно подошел к моей кровати.

– Нет...

– Нет?

Наступила напряженная тишина, и я отчетливо различила дыхание двух человек. От холодного липкого страха мышцы свело судорогой, потому что я очень хорошо знала, что делают эти двое. Они смотрели на мой затылок и... решали. И я точно знала, что... И если бы я могла закричать... Если бы я могла...

А тот, кто держал меня, глубоко вздохнул, словно о чем-то сожалея, и тихо прошептал:

– Ну извини...

Колокольный трезвон в голове не прекращался, я осторожно разлепила веки, о чем сразу же пожалела. Солнечный свет резанул по глазам, и я зажмурилась.

«Да это же в дверь звонят...» – неожиданно сообразила я, сбросила ноги с кровати и торопливо шагнула в сторону коридора.

И остановилась как вкопанная. Дверной звонок продолжал заливаться на все лады, а я продолжала разглядывать комнату, напряженно ворочая напрочь отказывающимися сотрудничать мозгами. По совести говоря, все было на месте и в полном порядке. Однако именно это меня и смущало. Ведь гудит же моя голова, словно тот улей, на который наступил Маугли...

Настороженно косясь в сторону входной двери, я на цыпочках направилась в кухню. Но тут в дверь принялись колошматить ногами, и я услышала:

– Светка, ты там весь коньяк прикончила, что ли?

Мегрэнъ. Несколько мгновений я моргала на беспрерывно дергающуюся ручку и наконец, опомнилась.

– Тайка!

Сердито хмуря брови, подруга шагнула через порог.

– Ты что, спала? Времени-то знаешь сколько? Правда весь коньяк допила?

Я стояла столбом и смотрела не моргая. Мегрэнъ поупражнялась в остроумии еще немного и вдруг подозрительно прищурилась:

– Эй, ты чего? – Тут подруга заволновалась и принялась дергать меня за рукав пижамы. – Светка, что случилось? Светка, ты меня не пугай...

– Где Юрка?

– Домой поехал. Я его как раз провожала... Светуль, ты чего такая, а? А что у тебя с глазами-то?

– Тайка, – я медленно подняла руку и опустила ладонь себе на затылок, – меня... это... ограбили... кажется...

Она отпрянула, и во взгляде подруги появилось недоумение. Потом заглянула в комнату, пожала плечами и направилась на кухню.

– Мне не хочется тебя расстраивать... но у тебя все в порядке... Светочка, просто ты вчера очень сильно перенервничала. Светочка, ты весь коньяк допила?

– Да чего ты привязалась ко мне со своим коньяком? – разозлилась я, кинувшись следом. – Вон он, твой коньяк, на столе! Может, конечно, у меня ничего и не взяли, но ночью здесь были двое...

На этом пришлось заткнуться. Потому что бутылка, о которой так пеклась Мегрэнъ и которая вчера была пуста лишь

наполовину, сейчас была пуста абсолютно.

– Это было так страшно, так страшно... – забормотала я, теряясь. – Честное слово, это не я... Это они...

Подруга насмешливо хрюкнула и кивнула:

– Точно... Чертики зелененькие.

Я опустилась на табурет. Конечно, я девушка впечатлительная, но не сумасшедшая же... Взяв Мегрэнь за кисть, потянула к себе:

– Щупай!

Она долго перебирала пальцами по моему затылку, наконец констатировала:

– Шишка.

– Еще какая! – подхватила я. – У меня голова гудит, словно колокол, а ты в наркологов играешь.

Следующие несколько минут я подробно описывала веселую ночь. Подруга слушала, но кончики ее губ недоверчиво подрагивали.

– Глянь на всякий случай, нет ли у тебя на груди выжженной латинской F.

– Какой еще F? – не поняла я.

– Ну Фантомас...

Я инстинктивно схватилась за пуговицу пижамы, но спохватилась:

– Тьфу на тебя... Ах, Фантомас? погоди!

Оказавшись в комнате, я сразу нашла то, что нужно.

– Смотри, – я сняла с книжной полки хрустальную вазу

и провела пальцем по свежей щербине на тонком золотом ободке, – они уронили ее ночью, я слышала.

– На черта им нужна была твоя ваза?

Однако теперь Мегрэнь выглядела менее самоуверенно и задумчиво чесала затылок. Но сдаваться пока не собиралась – уж больно ей приглянулась версия моего беспробудного пьянства.

– А коньяк?

– Да не пила я его! Вы ушли, я сразу спать легла... Они пришли под утро, и что здесь искали – один господь бог ведает! Возможно, они пытались меня убить, но у меня башка оказалась крепкая...

– Нет, – буркнула подруга, – хотели бы убить, били бы сюда! – Она ткнула мне в шею. – А тебя элементарно оглушили.

И она взялась за телефон:

– Алло? Отделение? Здравствуйте! Говорит Таисия Алексеевна Лапкина... Да... Лапкина. Почему «опять»? Да не украли... Нет, я не по поводу убийства, я по поводу соседки, Митрофановой Светланы Сергеевны. Да... Какого еще дяди племянница? Вы что, издеваетесь? – Я увидела, что лицо у подружки сделалось пятнистым, как камуфляжная куртка, только красно-белого колера. – Я издеваюсь? Да к ней ночью ворвались... Нет, ничего не украли... А я откуда знаю, они не сказали... Чем воспользовались? – Тайка покосилась на меня. – Нет, этим не воспользовались. Как чего? Чтобы вы пришли, вы же милиция... – и, вздрогнув, отпрянула от те-

лефона. – Себе санитаров вызови, козел! – бросив трубку на рычаг, в сердцах добавила Мегрэнъ.

Мы тихо сидели на кухне, сложив ладошки на коленочках и поминутно вздыхая. Трогать стоявшую посередине стола бутылку Мегрэнъ не разрешила, самоуверенно утверждая, что добьется соблюдения законности и заставит снять с нее отпечатки пальцев.

Звонок в дверь заставил нас вздрогнуть, но Мегрэнъ тут же зацвела и лихо подмигнула:

– Я говорила, придут, куда денутся?

На пороге стоял Ринат, и вид имел измученный и печальный.

– А где все? – удивилась Мегрэнъ и даже заглянула ему за спину.

– В трубе, – нелюбезно отозвался участковый и без приглашения вперся в кухню.

– Ноги вытри! – басом сказала Тайка, сломав брови на переносице.

Но участковый был не из пугливых. Не обратив внимания на грозный вид подруги, он плюхнулся на табурет и подпер подбородок кулачком:

– Ну?

– Баранки гну, – ядовито проблеяла Тайка. – Ты почему происшествие один пришел?

Ринат поднял на нее воспаленные глаза и с сердцем сказал:

– Послушайте, меня из-за вас уволят, ей-богу... Говорите, в чем дело, или я за себя не отвечаю...

Я вздохнула, рассказала, предъявила шишку, вазу и даже оставленную ею на полке свежую царапину.

– И ничего не пропало?

– Нет, – ответила я и расстроилась.

Всем бы больше понравилось, если бы вынесли полквартыры.

– И полный порядок?

– Полнейший. Если не считать шишки в полголовы, треснутой вазы и выпитого коньяка...

– А коньяк, значит...

– Я не пила... – И все началось заново.

В результате Тайке удалось-таки всучить упорно отбивавшемуся Ринату пустую коньячную бутылку, добившись честного слова, что он отдаст ее на экспертизу. После этого участковый живо ретировался, что в принципе было на него не похоже. Но последние деньки, видно, доконали даже его.

– Слышь, Свет, я чего пришла-то... – вспомнила Мегрэнь, задумчиво глядя в окно, за которым уже начинало темнеть, – помоги мне в квартире убраться, а?

Когда мы с Мегрэнью закончили наводить порядок, за окном уже было хоть глаз коли. Смачно хрустнув суставами,

подружка выпрямилась и пробормотала:

– Господи, неужели все?

– Да вроде бы... – устало откликнулась я, с размаху плюхаясь в кресло. – Ой!

– Ты чего? – полюбопытствовала Тайка, а я извлекла из-под своей пятой точки пестрый полиэтиленовый пакет.

– Не заметила да села... Тайка, это ж папка Татьяны Антоновны! Как она здесь оказалась? Ты же ее...

Мегрэнъ призадумалась, с сомнением разглядывая мою находку.

– Так я вроде отнесла... Светик, ты чего, и правда, думаешь, я помню, что тогда делала? У меня про вчерашнее в голове, муть какая-то, как квас с осадком. И знаешь... как-то все это... жутко неправильно...

– В каком смысле?

– Ну... и то, что случилось, и папка эта дурацкая... И что я ее не отдала вовремя... И вообще...

– Послушай, – сердито прервала я, – только давай не будем заниматься самобичеванием! Здесь никто ничего заранее не знал! И папка совершенно ни при чем! Не думаю, что ты могла бы этой папкой что-нибудь изменить. Тем более что мы даже не знаем, что там.

Впрочем, это было не совсем верно. И я, и Тайка много раз видели у Татьяны Антоновны эту старую коричневую папку со шнурками. В ней лежали какие-то бумаги, преимущественно старые фотографии, и я сама пару раз видела, как

Татьяна Антоновна их рассматривает. После этого она стала немного печальной и отрешенной, что неудивительно, ведь фотографии были совсем старыми, и, скорее всего, тех, кто на них запечатлен, давно уже нет в живых. Мы с Тайкой никогда не интересовались содержимым коричневой папки, сама Татьяна Антоновна нам ничего не показывала. Лишь однажды, когда я принесла ей из булочной свежего хлеба, она, грустно улыбнувшись, кивнула в сторону лежащей на столе раскрытой папки:

– Здесь все, что у меня есть...

Я тоже улыбнулась в ответ, отдала батон и ушла, а после и думать об этом забыла. А пару лет назад Татьяна Антоновна попросила Тайку снять в банке ячейку и отнести туда папку на хранение. Конечно, Тайка удивилась, но просьбу выполнила, хорошо понимая, что Татьяна Антоновна уже давно достигла того почтенного возраста, когда любые, даже самые нелепые идеи кажутся вполне логичными.

– Она боится, что ее обворуют, – сообщила подружка, направляясь арендовать ячейку. – Правду сказать, я еще не встречала ни одной старушки, которая бы этого не боялась. Ладно, теперь пусть спит спокойно.

Боялась Татьяна Антоновна воров или нет, было неизвестно, так же как и то, что подвигло ее на этот шаг.

За это время она несколько раз просила меня или Мегрэнь принести ей папку на пару дней, а потом отдавала обратно. Три недели назад Татьяна Антоновна брала и относила в

банк свое сокровище сама, а в прошлый вторник попросила об этом Тайку. Подружка папку из сейфа вынула, а вот передать уже не успела...

– Тай, может, глянем, чего мы все время туда-сюда таскали?

– Нет, – назидательным тоном отозвалась Мегрэнъ, но я почувствовала в ее голосе некоторую слабость и поднажала:

– Может, там что-то важное? Ну для следствия...

Тайка посопела, повздыхала, глянула на меня сурово и взяла папку в руки.

Потрепанная тесемка долго не поддавалась, отчаянно сражаясь за последнюю тайну своей хозяйки, но против Мегрэнъ никому еще не удавалось устоять. Сдалась наконец и папка, и Тайка распахнула картонную обложку. Движимые любопытством, мы с Мегрэнью славно приложились лбами, склонившись над столом одновременно.

– Ну? – Я вытянула шею и увидела сверху ворох старых потрепанных фотографий.

Мегрэнъ взяла в руки верхнюю и вдруг нахмурила лоб:

– Да это ж... я...

– Ух ты, какая мордастая! – умилилась я. – А это Зинаида Кирилловна?

На фото и впрямь была Тайкина бабушка Зинаида Кирилловна, а на коленях у нее сидела пухлая малышка со щеками, вываливающимися из шапочки. Подобных фотографий было еще штук десять, на одной я даже узнала себя. Я сидела

в песочнице, на голове красовался огромный бант, и вообще я выглядела чрезвычайно мило.

– Рот-то разинула, – покачала головой Мегрэнъ, – того и гляди, совок проглотишь...

Я отобрала фотографию и обозвала Мегрэнъ дурой.

– А это совсем старая фотка, – тут Мегрэнъ вытащила большую черно-белую фотографию на толстом картоне, покрытом замысловатыми вензелями. – Гляди, красота какая!

Фотография и правда была замечательной, аккуратной и четкой, не то что нынешние скороспелки. Фотограф вложил в нее и труд, и душу, поэтому с чистой совестью мог поставить на ней свои инициалы.

– Мастерская Иванкина... – прочитала Мегрэнъ выпуклые вензеля в верхнем левом углу. – Москва, тысяча восемьсот девяносто второй... Надо же... Интересно, а это кто?

На фото была запечатлена элегантная пара. Холеный мужчина в темном сюртуке сидел, закинув ногу на ногу, на массивном стуле с витыми ножками. Рядом, положив ему на плечо руку, стояла молодая красивая дама в длинном платье и большой шляпе с перьями.

Тайка перевернула фотографию.

– Флигель-адъютант... – с трудом разобрала подружка полустертую надпись на обратной стороне, – Его Императорского Величества... Ну надо же... Георгиевский Савелий Сергеевич... с супругой... Это родственники. Гляди-ка, прямо вылитая Татьяна Антоновна. Может, это ее мама?

– Вряд ли, – усомнилась я, – им здесь лет по тридцать, не меньше, тогда Татьяне Антоновне уже за сто лет было бы... К тому же мужчину зовут Савелий, а не Антон. Наверное, бабка с дедом.

Тайка кивнула и, задумчиво разглядывая фотографию, протянула:

– Похоже, не из бедных... Вон на мамзели жемчуга какие... Смотри, а серьги-то... не те самые?

Я пригляделась:

– Да так не разберешь... Похожи, конечно...

Одним словом, увлеклись мы с Тайкой не на шутку.

Нашли еще несколько таких же старых фотографий. На одном портрете Савелия Сергеевича имелась надпись: «Властительнице сладких грез с надеждой». На другой фотографии был большой белый дом с колоннами, утопающий в ухоженной зелени, – вероятно, загородная усадьба. На широких ступенях полукругом расположились несколько человек. Мужчины в дорогих сюртуках, женщины в нарядных светлых платьях и с кружевными зонтиками в руках. Среди них я сразу опознала даму с первой фотографии. Она сидела чуть слева в кресле, Савелий Сергеевич стоял за ее спиной. В центре на плетеных креслах сидела пожилая чета – строгий старик с аккуратной седой бородкой и, вероятно, его супруга. С обратной стороны фотографии карандашом написано: «Вельяминово. Георгиевский Сергей Савельевич с супругой Полиной Карповной». Даты не было, внизу еще была

какая-то приписка: «...по случаю... торжеств...», но точно разобрать не удалось.

– Это прадед. Точно, – многозначительно поджала губы Мегрэнъ. – Все ясно, семейный архив. Пожалуй, Удальцов без него обойдется.

Под фотографиями оказались бумаги, какие-то старые квитанции и счета. Мое внимание привлек необычный документ на плотной дорогой бумаге. Я вытащила его, и брови мои помимо воли поползли вверх.

– Смотри, Мегрэнъ... Герб... «В щите, имеющем золотое поле, изображено пальмовое дерево... Щит увенчан дворянским шлемом и короною... На щите... Щит держат два льва». – Я изумленно глянула на Мегрэнъ и продолжила чтение: – «Предки фамилии служили России... в разное время...» Тайка, да ведь наша Татьяна Антоновна была дворянкой!

Тайка нахально выдернула у меня из рук бумагу и забубнила:

– «По Указу Его Императорского Величества... сия копия... с герба рода Георгиевских... находящаяся в Высочайшем утвержденном Гербовнике Дворянских родов... выдана... от сего рода Коллежскому Советнику Георгиевскому Сергею Савельевичу. Печать... секретарь...» Надо же! И ведь ни разу не обмолвилась!

– На то и дворяне, чтобы культурно молчать. Это ты бы пошла языком трепать, – мимоходом отметила я и вытащи-

ла из папки тоненькую брошюру. – Каталог выставки... Что за выставка? Интересно... Смотри, чаши старинные, кубки с камнями. Потир золотой с чернью... Здорово! Золотая кружка с крышкой, чеканная, первая половина XVIII века. Древняя кружечка... Большая часть экспозиции представлена предметами, входящими в частные собрания... Знали люди, чего коллекционировать! Скульптура серебряная, фирма П. Сазикова. Серебряный стакан с оконной эмалью... фирма Овчинникова, частная коллекция. А где выставка была? Ага, в Париж возили!

Я отложила каталог и взяла старые пожелтевшие листы. Это был какой-то список. Буквы сильно выцвели от времени, к тому же слова были написаны через «ять», поэтому читать их было затруднительно.

– Табакерка золотая с эмалью... мастер... Ратков. Кружка серебряная чеканная, фирма... Хлебников. Кружка серебряная с крышкой... Хлебников. Эй, Мегрэнь! У меня тут список ценностей!

Мегрэнь заглянула мне через плечо:

– А где сами ценности?

– Не знаю! – засмеялась я, а она вздохнула:

– Жаль...

Далее по списку шли серебряные ковши с эмалью и полудрагоценными камнями, серебряные стаканы с оконной эмалью, золотой стакан с чернью...

– Где-то я уже это видела, – задумалась я, вновь перебирая

просмотренные бумажки. – Вот! Смотри, Тайка... Серебряный стакан с оконной эмалью из каталога... фирма Овчинникова. И здесь – кружка с чернью фирмы Семенова... И в списке тоже они! И кружка серебряная с крышкой с орлом...

– Наверное, в списке вещи из каталога...

– Мегрэнъ, да каталог-то тысяча девятьсот шестьдесят восьмого! А список – девятьсот первого! Усекаешь?

– Нет.

– В каталоге предметы из частных коллекций! Откуда он у Татьяны Антоновны?

Мегрэнъ пожала плечами, но в глазах появился слабенький пока огонек, и я поняла, что сейчас она даст волю своей фантазии. Подруга задумчиво пошлепала губами, повздыхала и выдала:

– Ее убили из-за этих... стаканов!

Я скептически изогнула брови и усмехнулась:

– Смелое предположение...

Честно сказать, такая же мысль мелькнула и у меня, но я хорошо знала, что укреплять в этом Тайку никак нельзя, иначе догадка приобретет всепоглощающий и сокрушительный характер. Однако глаза подруги уже засияли, как два огненных опала, поэтому я поспешно сказала:

– Ты у нее что-нибудь подобное когда-нибудь видела? Ну я имею в виду, не стояли ли на буфете у Татьяны Антоновны золотые потиры с сапфирами? Или, может, чай она пила из серебряных подстаканников? Чудная ты, Мегрэнъ! Выходит,

раз она дворянка и у нее список с бабушкиными бусами, то в подоконнике непременно клад замурован?

Ой, зря я это сказала... Мегрэнъ аж посинела вся и срывающимся голосом просипела:

– А вдруг?..

Папка поползла с Тайкиных колен на пол, я перехватила ее, сердито буркнув:

– Только бредить вот не надо... Сокровища, клады... Жила старушка от пенсии к пенсии... Иди, водички выпей!

– Но ведь наверняка никто не проверял... – озабоченно забормотала себе под нос Мегрэнъ, и я сообразила, что процесс зашел дальше допустимого. – Надо позвонить Ринату...

Я только головой покачала и снова взялась за папку. В ней остались две визитные карточки: помощника депутата Изюмина Б.С. и нотариуса Леонова Дмитрия Всеволодовича. На самом дне лежала половинка клетчатого тетрадного листка, аккуратным почерком Татьяны Антоновны на нем было выведено: «Третье, среда. Четырнадцать ноль-ноль, Зяма».

– Какая такая Зяма? – удивилась я и задумалась.

Собрав бумаги обратно в папку, я собралась захлопнуть ее, как вдруг заметила на одной из картонных обложек плоский кармашек. Я просунула туда указательный палец и осторожно вытащила несколько тонких пергаментных листков. Края их были изрядно потрепаны, все надписи сделаны карандашом, так что сразу я не смогла понять, что там изображено. Пришлось встать и включить настольную лампу. Я

поднесла листки к свету, и внутри у меня тоненько заныло. И хотя еще сама не разобралась почему, настороженно оглянулась на Тайку, безмерно мучающуюся вопросом, этично ли звонить Ринату в первом часу ночи. Мегрэнь мгновенно перехватила взгляд, и в ее страдающих глазах появилось выражение плотоядного любопытства.

– Что там у тебя, Светочка? – козлячьим голосом проблеяла подружка и двинула ко мне.

– Ничего особенного, – торопливо отозвалась я, хорошо понимая, чем может обернуться для моего размеренного существования подобная находка, – так, листочки...

Но Мегрэнь уже была возле стола. Мельком глянув через мое плечо, она пропела:

– Да это карта какая-то...

Похоже, подружка была права. На тонкий пергаментный листок явно была сведена карта какой-то местности, судя по изобилию речек, сельской. Чертеж был сделан не слишком умелой рукой, но очень аккуратно, поэтому название самого крупного объекта читалось легко: Вельяминово.

– Вельяминово! – удовлетворенно произнесла Мегрэнь и посмотрела на меня, будто ждала, что я буду этот факт оспаривать.

– Ну и что?

– Где-то я уже это слышала... – в голосе послышалась насмешка, а это как раз то, чего я терпеть не могу.

– Уши у тебя метровые, вот и слышишь чего не попадай!

Повесь себе часы с кукушкой, может, тогда услышишь, что уже час ночи!

– Да ладно, – махнула рукой Мегрэнъ, – у меня завтра двух первых пар нету, выплюсь!

– Да?! – взвилась я, – а мне завтра на работу вставать...

– А-а! И чего?

– Сейчас все уберем, а завтра, на свежую голову, посмотрим.

Мегрэнъ скорчила недовольную рожу, но все-таки согласилась.

– А ночевать где будешь? Вдруг к тебе опять... придут? Оставайся у меня, а?

Я призадумалась. Вчерашняя ночь мне вовсе не понравилась, к тому же я не выспалась. И сильно подозревала, что Мегрэнъ просто-напросто сама боится остаться одна. Поэтому я согласилась, и через несколько минут мы уже лежали на кровати и хихикали, сдергивая друг с друга одеяло.

Я печально посмотрела на монитор компьютера и вздохнула. Двадцать три минуты назад в электрической сети упало напряжение, лампы в офисе отчаянно замигали, но шок пережили. Компьютеры такого обращения не снесли и дружно «зависли». «Зависла» и вся контора.

– Электроника, ядрена мать, – фыркнул, появившись на

мгновение в дверном проеме, наш главбух и исчез в неизвестном направлении.

Контора дружно проводила его взглядом и задумалась. Первой умная мысль посетила меня:

– Ну, ребята, я пошла...

Таким образом, я с чистой совестью покинула свое рабочее место, заранее предвкушая, как пообедаю и завалюсь спать. Выспаться сегодня мне не дала любимая подруга. Она вертелась и пихалась всю ночь, вероятно, откапывая во сне заветный клад.

Дома, пошарив по холодильнику, я накрыла на стол и совсем уже собралась сесть, как зазвонил телефон. Это была Мегрэн.

– Откуда ты звонишь, дорогая? – подозрительно спросила я. – Опять занятия прогуливаешь?

Мегрэн принялась клясться и божиться, что в институте сегодня была и в науках безмерно преуспела.

– Вышибут тебя...

– Не вышибут. Я слово заветное знаю. В общем, я к тебе сейчас приду...

Не успела я крикнуть: «Не надо!», как подружка уже повесила трубку. Тоскливо покосившись на остывающий обед, я с досады плюнула. Я прекрасно знала Мегрэн и поэтому очень хорошо представляла, что за надобность вынуждает подружку прогуливать занятия.

Через четыре минуты Тайка сидела напротив и с аппети-

том поглощала мою законную вторую сосиску. Пару минут царило деликатное чавканье, и я гадала, что же заставляет ее жевать молча. Она начала издалека:

– Звонила утром Ринату...

– Из института? – невинно поинтересовалась я, но Тайка в ловушку не попала.

– Ага. Из автомата... Так вот, по происшествию в моей квартире у них никаких предположений нет. Они вообще дело собираются закрыть... То есть они его вовсе не возбуждали... Представляешь?

– Кошмар, – представила я.

– А бутылку твою у Рината на экспертизу не взяли. Нету, говорят, дела, нету экспертизы. Послали его, короче говоря... Представляешь?

– Угу...

– Надо эту бутылку Юрке подсунуть. Пусть он с нее пальцы скатает... Да, Свет? Я тут утром Юрке звонила...

– Из института? – уточнила я.

– Ага... Мне Ринат сказал, что дело Татьяны Антоновны у них забрали. Ничего теперь о ходе следствия не узнаешь... Пусть, думаю, Юрка разузнает. Все-таки Татьяна Антоновна нам не чужая была... Да, Свет?

– Да, – ответила я сердито и, пресекая дальнейшую пустую болтовню, сказала: – Ты прекращай вокруг да около вертеться. Думаешь, я не знаю, чего ты приперлась и чужие сосиски трескаешь? Давай обсудим все серьезно и договоримся раз и

навсегда: ты сначала заканчиваешь учиться и только потом начинаешь играть в сыщиков. А не наоборот...

Мегрэн посмотрела ласково и заглянула мне в глаза:

– Конечно, Светочка, конечно... Давай обсудим. Я как раз и принесла, чтобы обсудить... – Тут эта мимоза нахально вытащила из заднего кармана джинсов сложенные листочки. – Вот...

Я испепелила подругу взглядом и отчеканила:

– Дай мне слово...

– Даю, даю... Честное слово!

И, сдвинув тарелки в сторону, она расстелила на скатерти три тоненьких листка.

На одном из них, как я уже говорила, был план района под названием Вельяминово. Его точное географическое месторасположение определить пока было нельзя, но названия населенных пунктов говорили о том, что это, скорее всего, средняя полоса. Второй листок тоже представлял собой карту, только более крупного масштаба. Это был поселок либо что-то вроде того. Карта изобиловала многочисленными пометками и сокращенными словами, обозначающими либо названия, либо конкретную привязку к месту. Однако самым непонятным был третий листок. Он содержал только цифры, странные символы и аббревиатуру из букв – то прописных, то строчных.

– Ну, – я повернулась к подруге, всецело поглощенной созерцанием загадочных листов, – и что дальше?

– Мне кажется, это место, где жил прадед Татьяны Антоновны. Как его... Сергей Савельевич с супругой Полиной Карповной...

– Ясно, ты уже все метрики наизусть выучила.

– Просто запомнила, память у меня хорошая. Называется оно Вельяминово. Только вот где именно находится это Вельяминово?

– Ну-ка, тащи карту, – сказала я сердито.

Правда, мне и самой стало интересно: где находится это самое Вельяминово? Мегрэнъ мигом исполнила приказ, разворошив на письменном столе все бумаги.

Я расстелила карту, и мы дружно уткнулись в нее носами, стараясь найти упоминающиеся на листке названия. Довольно скоро я поняла, что теоретически это сделать гораздо проще, чем практически. Карты разных областей пестрели сходными названиями, и одних только «Лебедево» или «Рогово» в каждом районе было по десятку. Нужных же названий не попадалось вовсе.

– Может, их переименовали? – расстроено вздохнула Тайка.

Уж очень ей хотелось узнать, где находилось родовое гнездо дворян Георгиевских. Я пожалала плечами. Какая, в сущности, теперь разница?

Тайка продолжала кряхтеть над картой, я встала, вытащила из холодильника бутылку кефира и ушла в комнату.

Удобно устроившись в кресле, включила телевизор. Не

прошло и пятнадцать минут, как на огонек заглянула подружка, тоже не выдержавшая испытания географией.

– Кефирчик? – умилилась она и сграбастала бутылку. – Люблю...

– Шла бы ты домой, Пенелопа, – ласково сказала я, отбирая свой кефир, – и учила уроки. И больше кушай сахару, он на мозги благотворно влияет.

Подруга почесала в затылке и вздохнула:

– Ну в кого ты такая змея, Светка?

– В тебя. Ты мне ночью все бока пропихала, я словно три раунда на ринге провела. Не будь свиньей, дай подремать, а?

На этот раз Мегрэнъ проявила редкостное для нее чело-
веколюбие и удалилась почти без скандала через каких-ни-
будь сорок минут. Я благостно вздохнула, положила под шею
подушечку, вытянула ножки и уставилась в телевизор. Днев-
ные телевизионные программы всегда действовали на меня
самым благотворным образом – не прошло и нескольких ми-
нут, как я начала клевать носом.

Телефонный звонок нагло прервал торжественную цере-
монию вручения мне Нобелевской премии с одновременным
присвоением дворянского титула. Я открыла глаза. Дамы в
вечерних туалетах, хрустальные люстры с позолоченными
свечами мгновенно пропали, остался лишь мерзко дзынька-
ющий телефонный аппарат.

– Да? – пробасила я безо всяких политесов.

– Здравствуй, Светик!

Я чуть трубку не выронила. Так разнообразить мою жизнь может только святое семейство Лапкиных.

– Привет! – ответила я, и даже если кто-нибудь очень хотел услышать в моем голосе оптимизм, ему бы все равно это не удалось.

Не услышал его и Юрка, поэтому сразу озаботился:

– Ты чего такая грустная? Как у тебя дела? Я тебе не мешаю?

Я промычала нечто неопределенное, Юрка взбодрился:

– Света, я сейчас с Тайкой разговаривал... Это правда?

– Правда, – согласилась я, ничего не уточняя. – Твоя сестра никогда не врет, ты что, не знал?

Юрка хмыкнул:

– Свет, тогда тебе замки надо менять. И чем быстрее, тем лучше.

– Конечно, Юрочка, – как можно убедительнее сказала я, – обязательно поменяю!

На том мы и попрощались.

Я уютно свернулась калачиком, но сон, словно назло, больше не шел. Поморгав безо всякого результата на телевизор, я встала и пошла на кухню.

На столе по-прежнему лежала карта, подруге и в голову не пришло убрать ее туда, откуда вытащила. Я бросила пустую бутылку из-под кефира в помойное ведро, немного помаялась у окна, разглядывая уличный пейзаж, и оглянулась. Карта притягивала взгляд, словно магнит.

– Только гляну, – твердо сказала я, – и сразу уберу на место...

Через сорок минут я оторвала от карты натруженные глаза.

– В природе такого места нет. Если только где-нибудь в Африке. И слава богу! Я этому очень рада. И нечего Тайке забивать себе голову разными глупостями!

Мои многомудрые рассуждения прервал звонок в дверь. И каково же было мое удивление, когда я увидела на своем пороге Лапкина-брата.

– Юрка? Ты чего? – Недоумения в моем голосе было гораздо больше, чем радости, но Юрка к этому давно привык и посему не обиделся.

– Здравствуй, Светик! Сама же сказала, замки надо скорее менять. Вот, я привез... Отличные замки, немецкие. У нас мастер есть, Гаврилыч, так он и то только через пятнадцать минут открыл...

– Господи, да зачем же мне замки, которые открыть нельзя? У тебя мастер пятнадцать минут потратил, а я что буду делать?

– Так он без ключа открывал, – успокоил меня друг детства, без лишних разговоров скинул плащик и полез на антресоли за инструментами.

Мне осталось только покачать головой и удалиться на кухню.

Я приканчивала третью чашку чая, когда туда заглянул

Юрка.

– Все, хозяйка, принимай работу! – и направился в ванную мыть руки.

Я мельком глянула на новенькие блестящие замки и из вредности спросила:

– Сколько я тебе должна?

Юрка погрустнел, но справился:

– Чашку чая и два куска сахара...

Тут где-то на верхнем этаже гроыхнула дверь, и через несколько мгновений в поле зрения оказалась Мегрэнь в тапочках на босу ногу.

– Тю-ю, братик! – симулируя удивление, развела она руками. – А я гадаю, кто это тут долбасит? Как замочки?

– Тебе тоже чаю, языкастая моя? – ухмыльнулась я, и более утонченная натура непременно уловила бы в моем голосе сарказм. – С сахаром?

Но Тайка на сарказм не отреагировала и нахально кивнула.

Поэтому вскоре Лапкины снова сидели на моей кухне, распивали чай и доедали остатки колбасы. Я на чай уже смотреть не могла, сидела в уголке и гостеприимно дожидалась, когда же гости наедятся, напьются и уйдут.

– Ты ключи-то не забудь оставить, – деловито напомнила брату Тайка. – А ты, Светка, мне сразу запасные давай, а то потом забудешь.

– На тумбочке, по три штуки на каждый замок, – кивнул

Юрка. — А третий ключ можешь мне отдать...

— Это еще зачем? — изумилась я. — У меня тут, по-вашему, что, проходной двор?

— На всякий случай... Мало ли что!

Я сердито засопела, намекая, что мое безграничное гостеприимство все же имеет определенные границы. Но не успела я озвучить намек, как Юрка между делом поинтересовался:

— Так что же они искали?

— Кто?

— Твои ночные гости.

— Гости! — хрюкнула я, машинально ощупав шишку на голове. — Откуда я... А почему ты думаешь, что они что-то искали?

— Что же еще? Ничего не взяли, ничего... не сделали...

— Как ничего? А по башке?

— Думаешь, они пришли, чтобы тебе по чайнику съездить? — захохотала Мегрэн.

Юрка повел глазками, показывая, что с сестрой полностью согласен.

— Они что-то искали. Но ночью шуметь не рискнули, поэтому и квартиру не разгромили. Увидели на столе початый коньяк и, видимо, решили, что ты должна спать как убитая. А ты проснулась, вот и схлопотала... Тайкину квартиру громили днем. Я пока замки вставлял, с народом поговорил... Так вот, шум многие слышали, но никто внимания не обра-

тил. Так что гости у вас были одни и те же...

Мы с Тайкой притихли и внимательно слушали, потому что если Юрка так уверенно говорит, значит, кое-что знает. Однако не спорить Мегрэнь просто не умеет.

– Но мои ключи свистнули из Светкиной сумки. А ее дверь вскрыли отмычкой... Почерк же разный?

– Это, красота моя, говорит о том, что к визиту в твою квартиру готовились, а сюда им понадобилось попасть срочно, без подготовки.

– Видишь ли, Юрик... Не слишком получается логично: воровать мои ключи из чужой сумки. Гораздо разумнее свистнуть их у меня самой. Ну кто мог знать, что они в Светкиной сумке? Она сама про это не помнила. Хотя кое в чем я с тобой согласна – влезть в две квартиры и ничего не взять... В этом есть нечто общее...

Юрка долго молчал, задумчиво потирая подбородок, – привычка, существовавшая у него с детства. Он думал так долго, что меня, невзирая на все правила приличия, неудержимо стало клонить в сон.

– Твоя дверь, Тайка, открыта родным ключом – это факт. И значит, в дело был пущен твой запасной комплект. А вот почему его стащили из Светиной сумки... На данном отрезке времени вас объединяло лишь... что?

Он поднял вверх указательный палец, и мы с Тайкой установились на него, словно дрессированные дворняжки. Юрка выжидающе посмотрел на нас по очереди, но мы только глу-

по моргали.

– ...аптека!

– В каком смысле?

– В прямом. В среду ты, – Юркин палец уперся в сестру, – заказываешь в аптеке лекарство на фамилию Георгиевской. А ты, – указующий перст переместился в моем направлении, – получаешь его на другой день... Если допустить, что некто «икс» знает, что лекарство заказала та, чей ключ ему нужен...

– Зачем?

– Я говорю «допустим»! Итак... Но сам «икс» по какой-то причине не может взять ключи из сумки. Но, зная, что лекарство на фамилию Георгиевской будет готово на следующий день после трех часов, привлекает некоего «игрека», владеющего, по всей видимости, навыками изъятия предметов из чужих сумок. «Игрек» нужную девушку в лицо не знает, ориентируясь лишь на фамилию Георгиевская, которую провизор обязательно произносит вслух, прежде чем выдать лекарство...

Юрка так увлекся своими теориями, что совсем позабыл о нас. И большую часть того, что он так страстно бормотал себе под нос, разобрать было нельзя.

– Больно уж у тебя все притянута за уши, – недовольно сказала Мегрэнъ, однако я вдруг уловила в ее голосе странное беспокойство. – «Допустим»... «икс»... «игрек»... Так напридумывать можно бог знает сколько!

– Вижу, не сильно преуспела ты в науках... Максимальное количество версий наиболее полно представляет общую картину в своей начальной стадии... В процессе производства...

– Знаю, знаю, – оборвала его Мегрэнъ, – Кисянский лекции у нас читает! Только какой версией ты объяснишь, кто мог знать, что я буду в среду в той аптеке? Я в нее сроду не ходила – далеко, и добираться неудобно. Мне в тот день просто нужно было в те края... Или, по-твоему, меня ждали во всех аптеках города?

– Выгонят тебя, ей-богу выгонят, – опечалился брат и горько вздохнул. – Не хочешь дальше своего носа глянуть.

Мне стало жаль Тайку – она здорово расстроилась, потому что Юрка в этих вопросах был для нее большим авторитетом. Но сейчас с полетом фантазии у подружки явно было не очень, и я вмешалась:

– Ты бы лучше не тянул кота за хвост, а помог. Человеку без опыта всегда трудно, сам-то ты уже всякой дряни наглаголся! Кто мог Тайку в аптеке ждать?

Юрка сморщился, словно у него зубы прихватило, и затряс головой:

– Да никто ее там не ждал! Вы просто не хотите видеть, что здесь все время возникает одно обстоятельство... Ты взяла рецепт у Татьяны Антоновны, поехала по делам, а по дороге зашла в аптеку... Правильно? – Тайка кивнула. – Может, ты на площадке кого видела?

Мегрэнь долго морщила лоб, но вспомнить ничего не смогла.

– За тобой пошли от квартиры Татьяны Антоновны, и ты привела их в аптеку... У Светы на следующий день режут ключи и, пока она пешком шлепает до дома, потрошат Тайкину квартиру. Но того, что им нужно, там нет. В субботу здесь побывала целая армия милиции, но они набираются наглости и влезают к Свете ночью, не заботясь о ключах. Это значит, что они торопятся. Вычислив то, что связывает вас троих, мы узнаем, что им было нужно. Детсадовская задача...

Меня к этому моменту уже здорово подташнивало, Тайка тоже выглядела какой-то вялой, и интерес к дальнейшему разговору у нас взаимно пропал.

Наконец Юрка озабоченно глянул на часы:

– Пора, однако... Я с утра в область уезжаю...

Мы с Мегрэнью сочувственно закивали, но глаз не поднимали, а косили в сторону.

– Пока! – махнул Юрка ручкой и удалился.

– Тайка, ее надо отдать. Юрке... Или Ринату.

– Или Удальцову... Андрею Михайловичу? – Мегрэнь скорчила рожу, вскочила и забежала по кухне. – Отдать! Прямо в руки! Это личная папка! Архив! Семейный!

– Ты, Мегрэнъ, либо бестолковая, либо глухая... Юрка как сказал? Что если найти, что связывает нас троих... Да тут и искать ничего не надо. Это все из-за нее, из-за папки!

Сдвинув в сторону цветочный горшок, Тайка уселась на подоконник.

– Не дура, понимаю. Но что там такого страшного, из-за чего убили Татьяну Антоновну?

– Может, фотографии?

– Которым по сто лет?

– Не всем! Там и мы с тобой есть. Вдруг в кадр попали какие-то люди...

– Заткнись! Агата Кристи... Даже самой поздней фотографии не меньше пятнадцати лет. Может, все гораздо проще и обыденнее? Серьги у нее действительно были дорогие. У Татьяны Антоновны не было привычки хвастаться, если она сказала «алмаз», значит, алмаз... Пришли, увидели...

– Логично, – согласилась я. – Вечером в четверг, когда у тебя разворошили квартиру, Татьяна Антоновна была жива и здорова. Я была у нее, чай пила. Она мне денег займа дала. К тебе-то зачем было лезть? Для разминки? В субботу Юрка сказал, что Татьяна Антоновна погибла около суток назад. Значит, в пятницу днем. Я думаю, к ней пришли рано утром, когда она спала. Потому что шторы она задергивала только на ночь. Ты же знаешь, как Татьяна Антоновна не любила темноту. А умерла она после обеда... Не многовато ли времени, чтобы просто выдернуть сережки?

– Ты думаешь, от нее хотели чего-то добиться?

– Да. И то, чем так интересовались, лежало в этой треклятой папке. Но как узнали, что в четверг она будет у тебя?

– Светка, скорее всего, Юрка прав. Потому что в среду я зашла в аптеку, заказала лекарство и поехала в банк. За папкой.

– Выходит, тебя пасли. Юрка действительно прав, в аптеке нас с тобой просто перепутали... Мы, конечно, не близняшки, но кое-что общее есть...

– Ты на шесть килограммов толще...

– Не толще, а лучше... А кошелек свистнули нарочно, чтобы я быстро до дома не смогла добраться. Но ты в грязь лицом не ударила, папочка-то с вечера в моей квартире лежала. Итак, раз у тебя папки нет...

– Значит, она должна быть у хозяйки, и в пятницу они заявились к Татьяне Антоновне... Да, могли и не церемониться: меня дома нет, а соседка справа глухая как пень... Светка, а если бы я не забыла передать папку... то ее не убили бы?

Я нахмурилась, потому что подобные вопросы способны довести человека до сумасшествия.

– А если бы я в пакет заглянула, увидела, что это ее папка... и отнесла... Нельзя так, Тайка, ей-богу нельзя... Лучше подумай, как им в голову пришло у меня папку искать?

– Татьяна Антоновна вряд ли сказала... Да она и не могла знать, что папка у тебя... Выходит, об этом знал кто-то еще...

– Вот и я о том. Помнишь, несколько недель назад Татьяна Антоновна сама папку брала? Какое число было?

– Число? – Тайка задумалась. – Тридцатого я Катке Смирновой за подарком ездила... так... первое... Значит, это было второго!

– А что написано на той половинке листка, что в папке лежит? «Третье, четырнадцать ноль-ноль, Зяма». Вполне возможно, что она забрала ее перед встречей с этой Зямой.

– Зяма – это Зиновий. Мужчина.

– Так ты его знаешь?

– Нет, конечно. Но если так фамиллярно написано, значит, хороший знакомый. Можно поспрашивать соседей... Хорошо бы в ее телефонную книжку заглянуть.

– Квартира опечатана, – возразила я.

– А балкон?

– Ты с ума, что ли, сошла? До балкона метр! И пятый этаж! Ты же в юридическом учишься, а не в цирковом! Может, в ДЭЗе ключ спросить?

– Там небось сейчас волосы друг другу рвут, решают, кому квартира достанется. Да и не может у них ключа быть...

– Что же делать?

– Не знаю...

Возвратившись вечером с работы, я едва успела переступить порог, как услышала телефонный звонок.

– Светка, где тебя носит? – с ходу набросилась подруга. – Я полдня названиваю!

– Вообще-то, я работаю, – с достоинством отозвалась я, одновременно пытаюсь стряхнуть с плеч куртку. – Если тебе так приспичило, то звонила бы в контору.

– Я звонила. Но ты ушла на два часа раньше...

– Потому что за билетами в театр ездила. Если не я, то ты так и зачакнешь дремучей вместе со своими любимыми уголовниками.

– Правда? – обрадовалась Мегрэн. Ходить в театр она любила, хотя почему-то отличалась стойкой неприязнью к приобретению билетов. – Стоящая вещь?

– Мировая! С Инной Чуриковой.

Мегрэн застонала от счастья:

– Когда?

– Завтра.

– Ну молодчина ты у меня, Светка! Если бы не ты...

– Я в курсе, – врожденная скромность заставила меня прервать поток Тайкиной благодарности. – Чего звонишь?

– Ой, – опомнилась Мегрэн, – приходи ко мне немедленно!

– Не могу. Я еще не переоделась и жутко хочу есть.

– Ну ладно... Я тоже голодная... Сейчас приду!

Тайка бросила трубку, а я в сердцах выругалась. Однако этим Мегрэн вряд ли исправишь.

– Знаешь что, – деловито сказала я, едва подруга появилась на пороге, – почисть-ка пока картошку, а я пойду переоденусь.

– Какую картошку? – изумилась та.

– Обыкновенную, липецкую. У меня, видишь ли, прислуга сегодня выходной взяла, так что картошка еще не чищена. А жареной хочется, сил нет.

Подруга обомлела от подобного святотатства.

– Я не могу чистить. Я по делу.

– Да? По какому, интересно?

– Вот! – Тут она с ловкостью фокусника извлекла из кармана телефонную книжку.

Я недоверчиво подняла брови:

– Это то, что я думаю? – Тайка с жаром кивнула. – Надеюсь, ты не лазила через балкон?

– Нет, – засветилась Мегрэнь. – Дело было так... Сiju я дома, то есть собираюсь в институт. Вдруг звонок в дверь. «Кто там?» – спрашиваю. «Удальцов Андрей Михайлович!» Короче говоря, он зашел, сел... Сначала бред всякий спрашивал, потом говорит: «Мне нужно подробное описание тех серег, что на убитой были». Мол, если они где-нибудь появятся... Ну сама понимаешь... Я, конечно, как могла, описала, даже картинку ему нарисовала. И спрашиваю: «А где ключи от квартиры Георгиевской, может, там прибраться надо?» Он говорит: «Прибираться не надо, а ключи у меня». Тут я возьми да брякни: «У Татьяны Антоновны была одна картина, и, кажется, она говорила, что очень дорогая, какого-то известного мастера. Может, ее тоже украли?» – «Это, – говорит, – интересно... Не могли бы вы мне ее показать?»

Пройдя вместе со следователем в квартиру Татьяны Антоновны, она из коридора ткнула пальцем на дальнюю стену комнаты. Там висел небольшой, написанный маслом натюрморт, купленный нами два года назад на рынке и подаренный Татьяне Антоновне к Восьмому марта. Пока следователь недоуменно разглядывал бесценный шедевр, подруга, не сводя глаз с широкой милицейской спины, загородила собой стоящую в коридоре телефонную тумбу. Ей хватило одной секунды, чтобы стянуть с нее книжку с телефонами и засунуть под футболку...

– А ты уверена, что он ничего не заметил?

– Не заметил. На затылке глаз у него нет. А я, пока тебя пыталась найти, книжку полистала. Она забита битком. И фамилии, и собесы, и ремонт телевизоров... Все вместе. – Мегрэнъ протянула мне потертую красную книжку на спирали. – Сама глянь... Но кое-что я нашла. Нам подходят три фамилии с инициалами: Конь З.И., Шверг З.М. и Пекунько З.П. Сначала нужно выяснить, кто из них мужчины. «З» может быть и Зоей, и Зинаидой, и Зухрой... Как можно узнать отчества – через адресный стол?

– Можно, наверное. Но там понадобится возраст... Так что лучше не валяй дурака, а позвони старшему братику...

– И правда! – опомнилась Тайка и уже через минуту беседовала с любимым родственником. – Здравствуй, Юрочка! Как поживаешь? А я вот тут у Светочки... Ага... Ага... – Я ткнула ее в бок локтем, чтобы особо не отвлекалась, но она,

видно, решила усыпить Юркину бдительность посторонними разговорами. Выспросив все, что можно узнать у человека, с которым не виделась целые сутки, Мегрэнь наконец перешла к делу. – Юрик, нам тут выяснить кое-что надо...

Загрузив брата, Мегрэнь повесила трубку и сладко потянулась.

– Ну вот, теперь только ждать... А тебе привет! – Тут она сделала серьезную мину и взглянула на меня в недоумении. – А ты что, картошки еще не начистила?

Удрав в связи с предстоящим походом в театр с работы пораньше, я зашла в парикмахерскую, сделала прическу и маникюр. Прогулявшись в красивом виде по магазинам, я в прекраснейшем настроении вернулась домой.

Набрав номер Тайкиного телефона, я довольно долго слушала длинные гудки. Гадая, куда же могла запропаститься наша девица, собралась уже вешать трубку, как на том конце провода послышалось тихое, но весьма раздраженное:

– Да?

– Да! – подтвердила я.

Узнав мой голос, подруга ожила:

– Светка? – И, не дожидаясь ответа, она проникновенно выдохнула: – Я нашла...

Я не поняла:

– Чего нашла?

– Сейчас приду...

Я печально посмотрела на свое отражение в большом овальном зеркале. Минуту назад оно было жизнерадостным и счастливым. Однако немудреная фраза, произнесенная столь значительно, ясно давала понять, что покой нам, к сожалению, пока только снится...

– Чего она там нашла? – растерянно забормотала я, распахивая входную дверь.

Мегрэн не заставила себя долго ждать, сверху послышались торопливые шаги, и она появилась на пороге, держа в руке полиэтиленовый пакет. Я окинула взглядом ее всклокоченные волосы и неодобрительно спросила:

– Ты собираешься идти в театр в таком взъерошенном виде?

– Нет, – торопливо отмахнулась Тайка, устремляясь в комнату.

Заметив в ее глазах нездоровый, лихорадочный блеск, я загрустила.

– Вот! – решительно сдвинув в сторону фарфоровые безделушки, Мегрэн шлепнула на журнальный столик папку Татьяны Антоновны. – Я нашла...

– Поздравляю! – поймав на лету маленькую беленькую собачонку, раздраженно сказала я. – Но в связи с этим обязательно колотить фарфор в чужом доме.

Но Мегрэн меня не слышала. Она торопливо вытащила

из пакета географическую карту и разложила на столе:

– Смотри сюда! Мы с тобой брали карты слишком большого масштаба! Там этого просто нет! А нужна карта районная. И мы все искали Вельяминово, а такого нет! Ну, может быть, конечно, где-нибудь и есть Вельяминово, но, чтобы оно подходило к нашей карте, нету! – Тайка вытащила из папки пергаментные листочки и, тыча по нарисованным точкам, зачастила: – Видишь, Шилово? И тут – Шилово! Никитин... и здесь! Бухалово... Бухалово! Богородское...

Позабыв о душевных муках, я с интересом следила за Тайкиным пальцем. Очень похоже, что моя неугомонная подруга действительно нашла указанное на листочках место. Только интересно, сколько времени она потратила, втихомолку ползая по бескрайним картам родных просторов? Из института ее точно...

– А вот речка, – перебила мои мысли Мегрэнъ, увлеченно водя пальцем по карте. – Точно, как на этих листочках... Въезжаешь?

– Въезжаю. А Вельяминово?

– Вот потому мы и не могли ничего найти! А я нашла, потому что начала искать то, что его окружает. И когда я все это нашла, то в центре получилось... Октябрьский!

– Октябрьский? Хм! Что ж, возможно... Может, кто карту срисовывал, ошибся?

– Может, и так. Но, скорее всего, его просто позже переименовали. Листки-то старые...

Пока я разглядывала карту, Мегрэнъ мимоходом бросила:
– Самое интересное, отсюда до него всего-то сто пятьдесят километров...

Я оторвалась от карты и подняла голову. Тайка запнулась и поправилась:

– Ну, двести...

Под моим взглядом Мегрэнъ засуетилась и наконец выкрутилась:

– Ой, Светик, сообрази мне что-нибудь на голове, а то мы в театр опоздаем...

Я хмыкнула, аккуратно положила листки в кармашек папки, убрала карту и встала. Устроившись перед зеркалом, Тайка исподтишка следила за мной настороженным взглядом. Я взяла расческу, расчесала ей волосы и, собрав на затылке, крепко перехватила в кулак.

– Светка, больно! – пискнула Мегрэнъ, глядя на мое отражение.

Я склонилась к испуганно моргающей подружке и отчеканила:

– Последний раз тебя прошу – угомонись по-хорошему... Эту чертову папку нужно засунуть подальше! Потому что, кроме неприятностей, ждать от нее нечего!

Мегрэнъ сердито запыхтела, но рот раскрыть не рискнула. Несколько минут мы молчали, бросая друг на друга в зеркало недовольные косые взгляды. Наконец я закончила возиться с ее прической.

– Все! Давай дуй переодеваться, не то опоздаем.

Тайка посмотрела жалобно. Тогда я тоже посмотрела на себя в зеркало и с удовлетворением отметила, что идола с острова Пасхи выглядят гораздо сердечнее, чем я в данный момент. Умильно сложив ладошки, Мегрэнь попробовала схитрить:

– Ой, Светочка! Ты у меня такая замечательная-замечательная! Знаешь что? Я в театр надену юбочку и туфельки.

Аргумент был убийственный, но я не дрогнула и молча указала подруге на входную дверь.

Когда мы вышли из дверей театра, над лиловым горизонтом уже сиротливо маялась бледная луна. Мечтательно моргая на нарядный фонарь, Мегрэнь шмыгнула носом:

– Все-таки, Светка, она талант! Талантище...

– Ага, – поддакнула я, вдыхая полной грудью свежий ночной воздух, щедро разбавленный смесью выхлопных газов и прочей дряни. – Погоды, однако, стоят... Благодать божья! Может, прогуляемся пешочком до дому?

– Прогуляемся? – рассеянно уточнила Тайка, явно не в состоянии вырваться из дурманящих объятий Мельпомены. – Это можно...

Она уцепила меня под локоток, и мы чинно двинули вдоль дороги, сиюсь разглядеть сквозь огненную реку рекламных

огней первые робкие звезды.

Однако такого возвышенного романтического настроения подруге хватило лишь до ближайшего угла. Тайка начала демонстративно прихрамывать и наконец остановилась.

– Стой! – подняв вверх колено, она продемонстрировала мне задник туфли на высокой точеной шпильке. – Я на этом далеко не уйду.

Пришлось тащиться на автобусную остановку. Несмотря на поздний час, свободных мест в автобусе не оказалось. Мегрэнь всю дорогу бубнила и покинула автобус злая как черт.

До подъезда оставалось всего ничего, нужно было лишь пройти небольшой зеленый скверик и дворовую детскую площадку, когда Мегрэнь вдруг напряглась и озабоченно пробормотала:

– Однако...

– Что? – не поняла я, а Тайка стиснула мне руку, пребольно вонзив ногти в запястье.

Резко бросив: «Осторожно!», она круто развернулась. В следующее мгновение я различила звук шагов за спиной и вдруг почувствовала на плече грубую чужую руку. Одновременно ремень моей сумки покинул свое законное насиженное место. Охнув, я безрезультатно хапнула рукой по воздуху.

Инстинктивно прижавшись друг к другу, мы с Тайкой захлопали глазами на двух весьма подозрительных субъектов, возникших перед нами из темноты. Освещение в скве-

ре оставляло желать лучшего, но его вполне хватало, чтобы разглядеть на головах мужчин черные шапочки, натянутые до самых бровей. Один из них держал мою дамскую сумку, и казалось, что она нравится ему не меньше, чем мне. Сумка была новой, купленной после того печального происшествия в аптеке. Я едва не взвыла, прикинув, что грабители сейчас дадут деру и повидаться с ней еще раз мне вряд ли удастся. Однако убежать те не торопились, видимо рассудив, что две сумки лучше, чем одна. Мы замерли, и несколько секунд ровным счетом ничего не происходило.

Тут, оправившись от первого потрясения, Мегрэнъ шевельнулась и возмущенно каркнула:

– Да что же это такое?

Я хорошо понимала, что все произошедшее не прибавило подруге хорошего настроения, и малость заволновалась. Тайкин вопрос вывел из задумчивости и нападавших. Один из них, что был повыше, сиплым голосом поинтересовался:

– Эй, телка! Не тяжело сумку держать?

Инстинктивно вцепившись Тайке в руку, я запричитала:

– Таечка...

Мегрэнъ зафыркала, словно рассерженная кошка, и, глядя в ухмыляющуюся рожу, дернулась, сбросив мою руку.

– Не тяжело...

– Да ну! – нагло осклабился тот. – А вот я сейчас проверю...

Парень явно никуда не торопился. Будто играя, он раски-

нул руки в разные стороны и враскачку двинулся к Тайке. Я запаниковала. Ведь Тайка на таких немыслимых каблучицах! Не миновать нам неприятностей...

– Тая!

Неожиданно где-то сбоку за кустами послышались торопливые шаги, и на дорожку выскочил высокий молодой парень в светлой куртке. Я замешкалась, разглядывая пришельца, и на какое-то время упустила Мегрэн из виду. Между тем новый персонаж, быстро сориентировавшись в обстановке, негромко, но довольно решительно произнес:

– Немедленно верните девушке сумку!

Искренне восхитившись решимостью молодого человека, я снова оглянулась на Тайку, дернулась, но опоздала... Сделав быстрый легкий шагок к обидчику, Мегрэн на долю секунды замерла, крутанулась и... воспарила...

Мы дружно заорали квинтетом, причем каждый, соответственно, о своем. Завалившийся в самую середину кустарника грабитель орал от боли, его растерявшийся напарник – от неожиданности, а наш благородный заступник не то чтобы орал, а скорее булькал от удивления. Мои вопли носили предупреждающий характер, потому как я хорошо понимала, что на одном, столь удачно проведенном ударе Мегрэн не уgomонится. Сама же Мегрэн выдала короткое, немного схожее со змеиным шипением, грозное «Э-ш-ш», поскольку с самого младенческого возраста занималась восточными единоборствами, а там разные пугающие крики дело обыч-

ное.

Со стороны все это, вероятно, выглядело комедией чистой воды. Доведенная до точки кипения Мегрэн проводила взглядом резво спикировавшего в кусты первого оппонента и тут же плотоядно уставилась на второго. Но тому по какой-то причине не захотелось больше наблюдать за вертящейся каруселью Тайкиных каблуков, и он, отбросив в сторону мою сумку, с руганью рванул через кустарник. Его очумевший товарищ, держась за голову обеими руками, с трудом поднялся и бросился следом. С чувством выдав вслед им несколько фраз, носящих в основном воспитательно-предупредительный характер, Тайка развернулась, увидела стоящего возле меня парня в светлой куртке, и глаза ее снова заблестели...

– Тайка, – я вытянула перед собой ладони, загораживая молодого человека, поскольку здорово опасалась, что подружка в запале съездит по уху и ему, – он хотел нам помочь...

Мегрэн расслабилась и даже улыбнулась, но где-то в глубине ее глаз все же мелькнуло разочарование.

Затем она вежливо кивнула:

– Спасибо.

Парень оторопел:

– Мне? За что?

– Как за что? Вы хотели нам помочь...

Он задумался над такой постановкой вопроса, а я пока

подняла с земли свою сумку. А если говорить точнее – вытащила ее из лужи.

– Пошли? – Я сердито смотрела на Тайку. – Времени уже бог знает сколько... К тому же ты порвала свою последнюю юбку.

Я потянула Мегрэнь за руку. Мне не терпелось сделать подруге выговор за такое опасное и необдуманное поведение в безлюдном месте. Но ругаться при свидетелях не хотелось. Глянув еще раз на нашего несостоявшегося спасителя, я покачала головой. Как-то совестно бросать его посередине сквера в таком состоянии. Чтобы немного привести парня в чувство, я мягко пояснила:

– Столько хулиганья развелось, просто ужас... У нас с подругой уже два раза сумки резали и кошельки украли... Представляете?

Представить такое молодой человек не смог, это было видно сразу, но тут, к счастью, Мегрэнь сообразила, чего я добиваюсь:

– Ой, я так испугалась! Хорошо, что вы подросли, в одиночку я бы никогда не решилась... сопротивляться...

Оценив сказанное, молодой человек дрогнул губами и наконец шевельнулся. Не зря моя бабушка говорила: если мужчине внушить, что он герой, то именно так он и будет думать. Мы с Мегрэнью удовлетворенно переглянулись и развернулись, чтобы уйти, но тут молодой человек вновь проявил себя.

– Я вас провожу до подъезда! – решительно заявил он, и мы с Тайкой не нашли, что ответить.

Таким образом, мы подошли к подъезду втроем и при более ярком свете смогли наконец как следует разглядеть отважного молодого человека.

Он был достаточно высок и строен, темно-русые волосы слегка волнились над открытым чистым лбом. Совершенно замечательными оказались у него глаза: большие, темные, с легкой поволокой. Хотя при свете подъездного фонаря можно было нафантазировать еще и не такое.

Итак, мы втроем с взаимным интересом разглядывали друг друга, но столь занимательный процесс, как всегда, испортила Тайка.

Мельком бросив взгляд на свое левое запястье, она сначала нахмурилась, а потом заорала:

– Вот черт! – Я-то к Тайкиным выходкам привычна, а вот молодой человек вздрогнул. Не обращая на это никакого внимания, она продолжила: – Браслет! Черт, браслет потеряла! Порвался, наверное, когда я... ну, короче, в скверике...

В душе я разделяла горе Мегрэни, хотя повода снова пугать парня не видела.

– Ну что ж, бывает... Не расстраивайся, Тайка. В такой темнотище все равно не найдешь...

Что ни говори, вечер у Мегрэни не задался. Испустив напоследок жалобный стон, она вяло кивнула молодому человеку и направилась в подъезд.

– А что это за имя – Тайка? – поинтересовался парень, провожая взглядом ее ссутулившиеся плечи.

– Таисия, – вздохнула я.

– А вас как зовут?

– Света.

– А меня Игорь... Приятно познакомиться...

– Мне тоже... До свидания, Игорь!

Я догнала Тайку на втором этаже. Она сидела на ступеньке и стаскивала с себя туфли.

– Ну и вечерок! Сначала я сбила в кровь пятку.... Потом отбила об этого козла щиколотку... Затем порвалась моя юбка... – Интонация, с которой было произнесено слово «моя» не оставляла сомнений в том, что подруга сильно жалеет, что сглупила и не позаимствовала на сегодняшний вечер что-нибудь из моего гардероба. – Теперь еще браслет... Я этого не переживу!

– Мегрэнъ, – с упреком сказала я, усаживаясь рядом, – ну как можно лупить людей по башке такими каблучищами? Я пыталась тебя остановить, но разве ты слушаешься? Человек теперь до старости заикаться будет... Разве так можно?

– Во-первых, не человек, а грабитель. Или тебе хотелось, чтобы мы заикались? Ты, Свет, иногда городишь, сама не знаешь чего...

– Игоря напугала...

– Какого еще Игоря?

– Того мальчика, что хотел нас защитить. У него прямо

дар речи пропал... Нельзя ронять самооценку мужчин до столь низкого уровня. Думаешь, он теперь к нам еще раз ближе, чем на километр, подойдет?

Тайка фыркнула:

– Подумаешь, очень надо! Пусть не подходит, я плакать не буду.

Держа туфли в руке, Тайка с кряхтением поднялась. Яглянула снизу вверх, прищурилась и ткнула в правую туфлю пальцем:

– Это еще что?

Тайка повернула туфлю к свету.

– Кровь...

– Тайка, да ты тому козлу голову разбила!

Она зло кивнула:

– Вот, теперь отмывай после него всякую гадость!

Два дня мы с Тайкой не виделись. Она решила осчастливить присутствием свое учебное заведение, а у меня прибавилось работы – перед сдачей фирма дружно «причесывала» выполненный заказ. Как всегда, после аврала появилось свободное время, и я даже пригрозила коллегам, что уйду в отпуск. Отгулять летом не довелось, зато мы неплохо заработали, так что я подумывала, не махнуть ли на недельку-другую за границу.

Мегрэнь позвонила в субботу утром. Таинственно буркнув: «Ща приду!», она повесила трубку, а я поплелась умыться. Через несколько минут, закинув ногу на ногу, она сидела на кухне и, беспрестанно мельтеша у меня перед носом руками, несла всякую чушь. Потягивая кофе, я отрешенно смотрела в окошко, размышляя, отчего столько лет терплю всяческие выходы этой взбалмошной девчонки.

Наконец Мегрэнь выдохлась, а я продолжала гадать, что же заставило подругу заявиться в выходной в столь ранний час.

Тут Тайка потянулась к чашке, я удивленно уставилась на ее руку и, показав пальцем, спросила:

– Мегрэнь, а это откуда?

Она громко и облегченно выдохнула.

– Ну слава богу, наконец-то дошло! – поправив на запястье потерянный ночью в сквере браслет, Тайка усмехнулась: – Наблюдательности у тебя, что у пня в лесу. Не быть тебе...

– Где нашла?

– Это не я, – жеманно пожала плечиками подружка, наслаждаясь моим недоумением.

– А кто?

– Игорь...

– Какой еще Игорь?

– Ну ты, Светка, даешь! Какой-какой... Тот самый! Который к нам ближе, чем на километр, не подойдет.

Я предупреждающе нахмурила брови и попросила:

– Таечка, не тяни кота за хвост, не имей такой привычки...

Рассказывай по-хорошему, а то я с утра всегда нервная, неровен час...

Тайка засветилась и торжественно начала:

– Сплю я, короче, утром...

– Еще короче...

– Еще короче нельзя. Так вот. Сплю, никого не трогаю, сны смотрю... Вдруг звонок. В дверь. Ну, думаю, если это ты приперлась в такую рань...

– Короче.

– «Кто там?» – спрашиваю. «Игорь!» Что, думаю, за Игорь? Тут он принялся объяснять, так я ж не дура, все поняла и спрашиваю: «Дальше то что?» Нашел, говорит, вчера в сквере браслет. Посмотрите, не ваш? Пришлось надеть халат, впустить парня...

– И чем все закончилось? – хмыкнула я. Уж больно у нее глаза сияли.

Мегрэн крутанула глазками:

– Да так, ничем... поболтали... В ресторан вечером пригласил...

– Вот это Игорь! Мальчик-то не промах! Пойдешь?

Тайка дернула плечами:

– Пойду... Но ему сказала, что еще подумаю.

Я засмеялась, Тайка тоже. Мы еще посудачили немного. Допив кофе, она встала.

– Ладно, пойду думать...

Тут я вспомнила:

– А чего это родственник не звонит? Ну про фамилии?

Тайка всплеснула руками и охнула:

– Да я и позабыла совсем! И Юрка, похоже, тоже.

Озабоченно сдвинув брови, она схватила телефонную трубку. Как выяснилось через несколько минут, Мегрэнъ была абсолютно права: хоть Юрка тут же соврал, что у него не было ни секунды свободного времени, поскольку он уезжал в командировку, и дураку было ясно, что о просьбе он просто забыл.

– Сейчас мигом узнает и перезвонит, – она уверенно усмехнулась. – А то фиг он дождетя, чтобы я постирала его грязные холостяцкие шторы!

Повертевшись еще пару минут на табуретке, Тайка хлопнула ладонью по столу и встала.

– Ладно, пойду пока. Юрка перезвонит – я тебе сообщу...

Мегрэнъ пыталась придать лицу безмятежное выражение, но я хорошо видела, что предстоящий вечер занимает все ее мысли. Сейчас, как пить дать, побежит красоту наводить.

Проводив Мегрэнъ, я занялась уборкой. Со всей суетой последних дней руки до квартиры не доходили, поэтому в самое ближайшее время она всерьез обещала превратиться в настоящий свинарник. Увлекательное мероприятие заняло у меня довольно много времени, и потому, когда в прихожей раздался звонок, я была совершенно уверена, что снова яви-

лась Мегрэнъ. Я распахнула дверь и тут же ойкнула. Передо мной, чуть склонив голову набок и приветливо улыбаясь, стоял Юрка Лапкин.

– Юра... – Прошло несколько мгновений, прежде чем я сообразила одернуть подоткнутый по случаю уборки подол. – Ой... я убираюсь... То есть привет... Заходи... Я сейчас!

Забыв поинтересоваться целью неожиданного визита, я кинулась в ванную, по дороге торопливо расстегивая пуговицы старенького застиранного «уборочного» халата.

Угрюмо разглядывая в отражении зеркала сокрушительную прическу типа «я у мамы вместо швабры», я с досадой констатировала факт, что Юрка здорово меня смутил, застукав в столь непрезентабельном виде. Надув губы, я раздраженно дергала расческу, запутавшуюся во всклокоченных волосах, злясь все сильнее.

– Зато квартира блестит! – с вызовом сообщила я своему отражению, словно оно было в чем-то виновато.

Выдрав наконец расческу и выхватив при этом приличный клочок волос, я повернулась к вешалке, пребывая в полнейшей уверенности, что там висит мой домашний комбинезон. Каково же было мое удивление, когда его там не оказалось. Я задумалась. Вероятнее всего, я оставила комбинезон в комнате. Появляться перед одноклассником в задрюпанном халате еще раз мне совершенно не хотелось. А выйти без халата не позволяла природная скромность. Чуть приот-

крыв дверь, я позвала:

– Юра! – Мне хотелось, чтобы голос звучал ровно, но вышло тоненько и жалко. – Юра, там, в комнате... Где-то там лежит мой комбинезон... Ну тот, с цветочками... Не мог бы ты его мне принести?

Через пару секунд прямо передо мной вдруг возникла недоумевающая Юркина физиономия. Он дернул дверь на себя, одновременно поинтересовавшись:

– Что ты сказала?

Я держалась за ручку с обратной стороны, и поскольку ничего подобного не ожидала, то от рывка вывалилась из ванной в коридор. Увидев меня в одном нижнем белье, одноклассник несколько обалдел, и глаза у него стали большие и круглые. Я взвизгнула и рванула назад, с размаху захлопнув дверь ванной. В то же мгновение раздался вопль – в суматохе я не заметила, что правая Юркина рука оказалась в опасной близости от дверного косяка. Первым порывом было снова высунуться в коридор, но, взяв себя в руки, я плюнула, вытащила из корзинки с грязным бельем халат и быстро напялила.

– Юрка, – выскочив из ванной, я по слабым жалобным стонам на слух определила, что он на кухне, – что с тобой?

Лапкин стоял возле раковины ко мне спиной, из открытого крана текла холодная вода. Он оглянулся, и во взгляде мгновенно появилось страдальческое выражение. Я подошла ближе. Вытащив руку из-под струи, Юрка продемонстриро-

вал свой большой палец.

– Юрочка, – раскаивающимся тоном затынула я, бессознательно отводя взгляд в сторону, – прости, пожалуйста, я нечаянно... от неожиданности...

Первая фаланга большого пальца была рассечена и здорово кровила. Ноготь неумолимо синел, а сам палец опухал на глазах. Юрка взглянул на меня, и в его лице отразилось нечто самоотверженно-героическое.

– Пустяки... Не волнуйся...

– Я тебя перевяжу... – заторопилась я, про себя добавив: «Если только в обморок не грохнусь!»

К горлу подкатывала тошнота. Я засуетилась. Разыскав перевязочные средства, трясущимися руками принялась обрабатывать рану. Юрка молчал, изредка бросая на меня косые взгляды, и в какой-то момент мне даже показалось, что все происходящее ему весьма нравится.

В обморок я все-таки не грохнулась. Кое-как остановив льющуюся кровь, озабоченно сказала:

– А вдруг перелом? Тебе в травмапункт надо...

– Ага, – он согласно кивнул, – потом... как-нибудь...

Кротко вздохнув, я тоже кивнула и, нервно сцепив пальцы, предложила:

– Может, чаю?

Процесс заварки прервал телефонный звонок.

– Полчаса уже названиваю этому паразиту, так не берет трубку и сотовый отключил... Как тебе это нравится? – за-

грохотал в трубке сердитый голос подружки.

Дождавшись паузы, я ласковым голосом сказала:

– Юра у меня...

– Чего? – хрюкнула Мегрэнъ. – У тебя? погоди-ка, сейчас приду...

Переступив порог, Мегрэнъ окинула мой халат неодобрительным взглядом и сердито сказала:

– Я, конечно, все понимаю, но, по-моему, совсем ты моего брата не уважаешь! Ты бы его еще без штанов встречала... Гость все-таки!

Мы с Юркой переглянулись и дружно потупились. Однако я хорошо успела разглядеть в его глазах нахальных чертей, прямо-таки синеющих со смеху.

Теперь я вполне могла удалиться в комнату и переодеться в спокойной обстановке.

Вернувшись через пару минут, я прервала какой-то весьма эмоциональный разговор, причем, увидев меня, родственнички явно сконфузились. Хорошее воспитание не позволило мне пристать с расспросами, и я, достав чашку, уселась рядом. Было довольно интересно узнать: с чего вдруг мой бывший одноклассник повадился таскаться сюда, словно на работу, всячески игнорируя такое полезное достижение науки и техники, как телефон? Однако я молчала, усердно всматриваясь в непроглядные чайные омуты.

Молчание начало затягиваться. Наконец Мегрэнъ кашлянула и поинтересовалась:

– Что с пальцем?

– Да ерунда, – дернул плечами Юрка, – бандитские пули изрешетили меня всего...

– Ясно, – хрюкнула сестренка, – небось молотком шарахнул...

Я продолжала гадание на чайниках, а мой гость ухмыльнулся:

– В самую точку попала! Дедуктивный метод твой небольшой черепок освоил в совершенстве.

Мегрэнъ начала медленно надуваться, набирая воздух в легкие, но старший братец быстро остудил ее пыл одним единственным вопросом:

– А зачем вам, ягодки мои, вдруг понадобился подпольный миллионер?

Дружно вытаращившись на Юрку, мы в один голос спросили:

– Какой?

– Убиенный...

– А-а-а?

В потрепанной записной книжке престарелой пенсионерки – телефон подпольного и, если я не ослышалась, убиенного миллионера? Но Юрочка не иначе как решил нас окончательно добить, поэтому прибавил:

– А ювелир вам на кой ляд?

Тайка молчала и выглядела совершенно пришибленной. Думаю, я смотрелась ненамного лучше. Известие, согласи-

тесь, неожиданное, но главный вопрос – что сказать Юрке? Несмотря на демократию и другие родственные чувства, он вполне был способен вправить младшей сестре мозги на место, да так, чтобы они находились там достаточно долго. У меня с Юркой, конечно, совсем другие отношения, но выяснять его мнение о происходящем мне почему-то тоже не хотелось.

«Вот, – мысленно зашипела я, испытывая где-то в глубине души что-то вроде морального удовлетворения, – я говорила! Я предупреждала! А он, судя по выражению физиономии, еще не все козыри из рукава вынул...»

Я оказалась права.

– Четыре месяца назад в своем загородном доме... – начал Юрка, словно читал лекцию, – был убит известный предприниматель, коллекционер и прочая Пекунько Захар Петрович. Пятидесяти восьми лет от роду. В доме Пекунько находился один, и однажды темной ночью был задушен самым банальным образом. Дом был ограблен, в нем много чего интересного было, поскольку коллекционировал Пекунько не спичечные этикетки, а антиквариат. Что еще можно добавить? Ах, да! Дело имело большой общественный резонанс, поэтому вел его наш отдел, и я в том числе. Преступники найдены не были. Должен вам сказать, что такие преступления совершают вовсе не для того, чтобы попадаться... Дело явно заказное, вероятнее всего, для коллекционера работали. Ты что, Таисия, не помнишь этого дела? Да все газеты

писали, тебе-то стыдно такое не помнить!

Если Тайке и было стыдно, она весьма удачно это скрыла. Пока я судорожно ворочала извилинами, тщетно пытаюсь придумать, как усыпить все возрастающую подозрительность бывшего одноклассника, она вдруг поджала губы и небрежно тряхнула кистью:

– Твой убиенный Пекунько нам вовсе без надобности. Кто там еще? Шверг и Конь?

Я насторожилась, одновременно пытаюсь придать лицу безразличное выражение и сообразить, куда клонит подружка.

– Ладно! Шверг Зиновий Михайлович, москвич, восьмидесяти пяти лет, проживает по адресу: Большая Грузинская... По профессии ювелир, последние годы официально нигде не работает, однако в своей среде, несмотря на далеко не юный возраст, пользуется непререкаемым авторитетом. Занимается только изделиями хай-класса... Я ясно выразился? Так вот... Попасть к нему можно лишь через доверенных лиц и только по рекомендации... Это вам тоже неинтересно?

Тайка небрежно дернула плечами и, с шумом отхлебнув чаю, проронила:

– Думаю, нет... Дальше, пожалуйста.

– Конь Зинаида Игнатьевна, москвичка, пенсионерка. Проживала на улице Паршина, в возрасте девяносто двух лет скончалась в декабре прошлого года...

Брат не закончил еще свое повествование, а Тайкины гу-

бы вдруг скривились, словно она раскусила кислую конфету, глаза увлажнились, и из груди вырвался тяжкий стон. Не успев сориентироваться, отчего же последнее известие произвело на Мегрэнь столь сокрушительное впечатление, я на всякий случай тоже загрустила, опустив глазки вниз.

Юрка умолк, в задумчивости прикусив нижнюю губу и взирая на нас с некоторым скептицизмом. Я подавленно вздыхала, качая головой и с нетерпением ожидая, когда же этой артистке надоест валять дурака. Ей наконец-таки надоело, и она подняла на меня печальные глаза.

– Света, конечно же, это Зинаида Игнатьевна! Как я могла забыть! Понимаешь, Юра... – Тут она переключилась на брата и принялась полоскать ему мозги с таким нахальством, что я даже оторопела. – У Татьяны Антоновны была подруга, и мы хотели рассказать ей о том, что случилось... Но вот как ее звали, у меня из головы совершенно вылетело! Помнила только, что на букву «З» имя начинается...

Но водить себя за нос Юрка не позволил.

– А откуда ты взяла эти фамилии с инициалами?

Мегрэнь запнулась на мгновение и, поднимаясь с табурета, мимоходом махнула рукой:

– Да валялась у нас бумажка, совершенно случайно... Так, ладно, ребятки, пора! – Она озабоченно глянула на часы. – У меня свидание сегодня, а я еще не готова!

Она вышла в коридор, я встала и, опасаясь, что Юрке взбредет в голову остаться, пошла следом. Остаться с ним

наедине, чтобы расхлебывать Мегрэнин бред, я не могла. К счастью, он проявил чуткость и удалился вместе с сестрой. Захлопнув за ними дверь, я покачала головой:

– Миллионер? Ювелир? Что дальше-то будет?

В воскресенье мне удалось прекрасно выспаться, что само по себе было подозрительно: по всем законам жанра меня давно должна была разбудить Мегрэнь с очередной сенсацией. Однако никто не ломился в дверь, телефон тоже молчал, я поскучала и встала с постели. Машинально пережевывая завтрак, я размышляла о том, что мечта моя – хоть раз спокойно провести выходной день – наконец-то сбывалась, но это почему-то не доставляло ожидаемой радости. Факт, что Юркино вчерашнее сообщение оставило подругу равнодушной, беспокоил и настораживал.

Близилось время обеда, когда меня окончательно заела скука. Я пыталась смотреть телевизор, читать, даже вязать, но мысли бродили где-то далеко, и руки никак не соглашались вступать в хоть какое-нибудь взаимодействие с мозгами. В конце концов я скрипнула зубами и взялась за телефон.

Тайка не снимала трубку так долго, что я забеспокоилась. Деваться ей было некуда, она должна быть дома, так нет...

«Она же вчера на свидании была! – вдруг подумала я. – А если не вернулась?»

На Мегрэнь это совсем не похоже. Я нахмурила брови, но тут наконец наша девица проявилась: «Алло?»

Я замешкалась с ответом. Голос у подружки был такой, будто она только что проснулась или пьяна в стельку.

– Тайка? – уточнила я.

– Ну? – то ли подтвердили, то ли удивились на том конце провода, и я решила перестраховаться:

– Таисию Алексеевну можно?

– Свет, ты чокнулась, что ли? Это ж я...

Я на всякий случай еще раз глянула на часы и озаботилась:

– Ты, случаем, не заболела?

– Нет, – обреченно вздохнула Тайка и выдала: – Я влюбилась...

Сраженная наповал, я умолкла. Честно говоря, подобного легкомысленного заявления после первого свидания я ну никак не ожидала. Чтобы вот так с ходу впечатлить мою подругу, кавалер непременно должен был совершить нечто из ряда вон выходящее. Например, плюнуть на ботинок постовому милиционеру или, на худой конец, стать лауреатом Нобелевской премии. И то, и другое было практически нереально. Однако, как бы там ни было, я сразу увидела в сложившейся ситуации свой плюс: судя по сильно поглупевшему голосу, Мегрэнь своим кавалером увлечена не на шутку, и, как следствие, вполне естественно, всепоглощающий интерес к потрепанной коричневой папочке у нее малость поугаснет. Я снова обрету покой, жизненное равновесие и наконец съез-

жу в отпуск за границу, о чем давно мечтаю. Но тут где-то в самом дальнем углу черепной коробки кто-то противным гнусавым голосом поинтересовался: «А оно тебе надо?»

– Что же произошло?

Из трубки долго неслись томные вздохи, потом подруга забулькала:

– Мы сидели в шикарном ресторане... В отдельном уголке... С фонтанчиком... И со свечами... Потом гуляли по набережной... Он читал мне стихи... – Я хмыкнула, а Мегрэнь снова завздыхала и с чувством загундосила: – «И перья страуса склоненные в моем качаются мозгу...»

Я изумилась силе воздействия поэзии на неокрепшую девичью психику.

«Волшебная сила искусства», – решила я и вслух согласилась:

– Ты право, пьяное чудовище...

Видно, Мегрэнь стихи в исполнении кавалера до конца не дослушала, поэтому за «чудовище» обиделась.

– Сама ты... А коньяк хлещешь – иному мужику не угнаться... Короче, я пришла домой в половине шестого утра и хочу спать.

Пожелав подруге приятных сновидений, я дала отбой.

Итак, у нас появилось новое увлекательное занятие, которое, если смотреть трезво, гораздо больше подходит молодой красивой девушке, чем безудержное копание в далеком, к тому же чужом, прошлом.

– Вот и славно! – громко сказала я и с непонятной мастью глянула на карту, лежавшую на краю стола. – Оно и к лучшему...

Я потянулась через стол и ткнула карту указательным пальцем. Она скользнула по гладкой столешнице и неслышно шлепнулась на пол.

– Светка! – заверещала телефонная трубка. – Какое сегодня число?

Я ответила.

– А день?

– День всех влюбленных, – ядовито пропела я, глянув на часы.

Нормальные люди в это время ужинают, Мегрэн же явно потягивалась в постельке.

– Всех влюбленных? – засомневалась Тайка. – Так это вроде в феврале?

– У нас круглый год, – порадовала я.

Подруга хрюкнула, показывая, что юмор оценила.

– Тебе, дорогая, не понять. Ты не любила.

Настала моя очередь хрюкнуть. Не то чтобы она была права...

– И каковы ближайшие планы пылких влюбленных?

– Через двадцать минут Игорь должен позвонить... Мы

в киношку намылились... – забормотала Мегрэнъ голосом, полным томного идиотизма.

Вот оно как! Тут я полюбопытствовала:

– Интересно, а откуда вообще этот Игорь взялся? Я имею в виду там, в парке? Кто он такой и чем занимается?

– Студент, учится... Сказал, что шел от приятеля и услышал наш писк...

– А мы пищали? – усомнилась я. – Что-то я не припомню...

– Пищали, не пищали... Какая разница? Впервые на жизненном пути столкнулись с настоящим мужчиной, а ты, как инспектор детской комнаты милиции... Человек героизм проявить хотел, а у тебя сразу подозрения... Или, по-твоему, интересоваться мной можно только с корыстными намерениями?

– Конечно, нет, – торопливо сказала я, хотя, возможно, мой голос звучал не совсем искренне. – Просто я хотела сказать, что как-то это все... необычно... Браслет в сквере отыскал... Как, интересно? На ощупь или визуально?

Чувствовалось, что мои рассуждения подругу здорово раздражают. Попикировавшись еще минут пять, мы распростились явно недовольные друг другом.

Я прошла на кухню и сунулась в холодильник. На автопилоте выудив кефир, взяла стакан и устроилась на подоконнике. После разговора с Мегрэнью на душе остался какой-то весьма противный осадок. Нельзя сказать, что мы поруга-

лись, но и нормальным наш разговор тоже назвать нельзя. Не успел появиться этот самый благородный Игорь, как мы начали ссориться.

«Может, просто ревную? – задумалась я. – То Тайка дня без меня не могла прожить, а теперь, пожалуйста: все выходные с... героем-защитником. Хотя, – я глубоко вздохнула, – закон природы, ничего не поделаешь...»

Машинально оглядывая полный ребятни двор, я вдруг заметила на въезде сияющий красный «Опель». Он бодро подкатил к нашему подъезду, я почему-то встала и отступила за занавеску. Через несколько секунд из «Опеля» нарисовался Игорь. Он встал возле открытой дверцы, повертел немного головой и вдруг помахал мне рукой. Чертыхнувшись, я шагнула назад. Ну вот, теперь они подумают, что я за ними подглядываю... А машинка у этого Игоря очень недурна...

«Интересно, чего это студент при такой машине ночью по скверам пешком таскается?» – усмехнулась я, наблюдая за выпорхнувшей из подъезда Мегрэнью.

Игорь моментально извлек из машины букет роз и преподнес даме. Та тут же сунула в него свой нос, всем своим видом выражая полнейший восторг. Я плюнула и отошла от окна.

Задумчиво разглядывая телефонный аппарат, я барабанила по тумбочке пальцами и вздыхала. Прошло не менее двадцати минут, прежде чем я решилась.

– Так, как же там... – я напрягала память, стараясь вспом-

нить цифры, – три... нет, кажется, два... сорок два... двенадцать...

Я слушала монотонные длинные гудки, мое сердце вторило им в такт.

«Зачем я это делаю?» – успела подумать я, как трубку вдруг сняли.

– Квартира Шверга... Я вас слушаю...

Голос бы весьма приятный, однако женский.

– Здравствуйте... Могу я поговорить с Зиновием Михайловичем?

– Кто его спрашивает?

– Э-э-э... – запнулась я, – мое имя ему ничего не скажет...

Женщина посуровела:

– По какому вопросу?

– По личному...

Тут голос неувовимо изменился, и в нем появилась на-смешка:

– Будьте любезны, уточните...

Я чертыхнулась про себя. Действительно, какого лешего я ему звоню?

– Я хотела с ним проконсультроваться, – добавив в голос официоза, солидно отозвалась я, – мне надо поговорить о Георгиевской Татьяне Антоновне...

Мое заявление произвело на даму впечатление. Она запнулась, словно тукнулась лбом о стену, потом торопливо добавила:

– Пожалуйста, подождите одну минуту...

Некоторое время царила тишина, и вдруг в трубке послышался бодрый мужской голос:

– Шверг у аппарата...

Обладателю этого голоса восемьдесят, если я не путаю, пять лет?

– Зиновий Михайлович?

– Да... Кто говорит?

– Здравствуйте! Мы с вами незнакомы... Но я хотела у вас кое-что узнать... – Я закашлялась, волнуясь невесть отчего. – Вы знакомы с Георгиевской Татьяной Антоновной?

– Что? – тихо переспросил мой собеседник, и я испуганно замерла. Голос на том конце провода буквально задрожал от плохо сдерживаемого гнева. – Георгиевская? Татьяна Антоновна? Да кто ты такая? Как ты посмела звонить сюда, мерзавка? Кто позволил тебе? И не смей больше! Не смей! Слышишь, что я тебе говорю? Иначе я достану тебя, и ты будешь проклинать...

Я бросила трубку на рычаг и отпрянула от телефона. Руки тряслись, а сердце молотило так, что меня закачало.

– Ничего себе... – с трудом сглотнув, пробормотала я. – Горячий прием... Останется только молиться, что у этого психа нет определителя номера...

Некоторое время я стояла, не в силах повернуться к телефону спиной. Человек, с которым я только что разговаривала, меня не просто напугал, он напугал меня до полусмерти.

– Чертов старикашка, – бормотала я, пятясь на кухню, – чтоб тебя черти слопали...

Я налила себе воды и наконец перевела дух. Господи, да чего же я испугалась? Ведь ничего особенно страшного он не сказал... Но как сказал... Им двигала настоящая нескрываемая ненависть. Казалось, если что-то моего странного собеседника и печалило, так это то, что он не мог достать до моего горла.

– Плевала я на тебя! – сказала я громко, попытавшись представить невидимого собеседника. Получился огромный лохматый старикан с заgreбущими руками-граблями. – Капиталист, мироед... Ювелир несчастный...

Стянув с полки первую попавшуюся книжку, я уткнулась в нее носом, стараясь всячески себя убедить, что мне жутко интересно. Однако вскоре пришлось признать, что обмануться подобным образом никак не удастся.

– Подумаешь... – пожалала я плечами, закинула книжку и стала думать.

Хорошая память – одно из моих многочисленных достоинств. Иной раз и рада забыть, да никак. Несмотря на это, на сей раз мне пришлось кряхтеть никак не меньше получаса, потихоньку выуживая из головы мимолетные обрывки.

«В конце концов, – подумала я, – если ошибусь, ничего страшного не случится. А если нет, то хоть любопытство мучить перестанет!»

– Здравствуйте! Могу я поговорить с родственниками Зи-

наиды Игнатьевны?

На том конце провода молодая женщина растерянно отозвалась: «Э-э-э...», и я торопливо добавила:

– Я знаю, что она скончалась, приношу соболезнования...

Моя новая собеседница реагировала на меня вполне нормально. Я выяснила, что беседую с внучкой Зинаиды Игнатьевны, а зовут ее Лена. Весьма осторожно я произнесла фамилию Татьяны Антоновны, Лена немного задумалась и вспомнила, что у бабушки такая знакомая была, вроде бы они были знакомы долгое время и даже изредка встречались. Встречи Татьяны Антоновны со старинной подругой были для меня неожиданностью. А мне-то казалось, что, кроме Тайкиной бабушки, подруг у нее не было. Однако за последнее время я узнала о Татьяне Антоновне столько нового, что с выводами уже не торопилась.

– Правда, все это было давно, я почти ничего не помню, – сказала Лена, словно извиняясь, – но у нас, кажется, остались фотографии, бабушка как-то справляла юбилей, было очень много народу... По-моему, там и Татьяна Антоновна была...

Известие о ее кончине Лену особенно не впечатлило. Она лишь скорбно вздохнула, и уже было похоже, что она не прочь от меня отвязаться. Но по какой-то неизвестной причине меня понесло.

– А нельзя ли посмотреть фотографии? – выдала вдруг я и сама растерялась.

На кой черт мне еще фотографии, от этих не знаешь куда

деваться?

– Да, пожалуйста... Если вам надо, можете их забрать...

«Никакого почтения к бабушкиной памяти!» – осуждающе подумала я и спросила:

– Можно подъехать завтра вечером?

Выйдя утром из подъезда, я нос к носу столкнулась с нашим геройским участковым. Завидев меня, Ринат, вопреки обыкновению, шарахнулся в сторону, но, сообразив, что спрятаться негде, затравленно кивнул:

– Доброе утро, Светлана Сергеевна...

Пугливость участкового озадачила. По всей видимости, в его сознании я стала ассоциироваться с чем-то вроде бабы с пустыми ведрами или черной кошки, перебегающей дорогу в самом неподходящем месте. Решив не запугивать парня окончательно, я мирно задала пару вопросов о погоде и самочувствии. Ринат расслабился и заулыбался. Однако под конец я все же не стерпела.

– Не мог бы ты для меня кое-что узнать?

Участковый напрягся, но я его быстро успокоила:

– Ничего особенного, так, из чистого любопытства... Владелец красного «Опея», Игорем зовут... Студент...

– И что?

– Как «что»? Его машина или так, понты одни?

Ринат понимающе кивнул и даже усмехнулся:

– Кавалер, что ли?

– Почти... – Я скромно потупилась и сообщила номер машины. – Ну я на работу побежала. Пока!

С трудом дождавшись времени обеда, я поднялась из-за стола и пошла к дверям.

– Я сегодня в кафешку... – известила я сослуживцев.

Сидеть на одном месте не хватало терпения. Мне необходимо было хотя бы пройтись. Работа не лезла в голову и, по большому счету, гораздо полезней для общего дела было уйти вовсе. Но совесть не позволяла ежедневно сбегать раньше времени, поэтому я решила немного размяться. Не знаю, чего я ожидала от встречи с внучкой Зинаиды Игнатьевны, но почему-то волновалась.

– Вот дура-то! – сказала я самой себе, устроившись за маленьким столиком летнего кафе.

Проходившая мимо дородная официантка оглянулась и, взглядом смешав меня со стремительно синеющим на ветерке картофельным пюре, вызываяще усмехнулась. Я схватила вилку и торопливо склонилась к тарелке, демонстрируя безудержное желание съесть все без остатка. Официантка усмехнулась еще раз, расправила плечи и удалилась.

– Следи за своим дурным языком, дорогая, – шепотом посоветовала я себе, – и оставь привычку размышлять вслух!

Когда я вернулась в контору, секретарша сообщила, что мне звонили.

– Вот, – она протянула бумажку, – Таисия Алексеевна Лапкина. Просила перезвонить.

Я кивнула, забрала записку и усмехнулась. Тоже мне – Таисия Алексеевна! Мегрэнь сопливая... Нет, не буду перезванивать. Надо – сама еще раз позвонит.

Никогда еще я не ждала окончания рабочего дня с таким нетерпением. Прикинув время, которое займет дорога, я решила, что торопиться некуда, до назначенного срока еще полно времени. Но сегодня мои ноги действовали автономно от остального организма, поэтому до метро я добралась за считанные минуты. Разыскав улицу Паршина, нашла нужный дом и взглянула на часы. Еще сорок минут...

– Да бог с ними, с минутами, – махнула я рукой, – я же не на королевский прием...

Через тридцать секунд я уже давила на кнопку звонка двери номер одиннадцать. Дверь открыла полная женщина в пестром халате.

– Вам кого? – она склонила голову набок, а я по голосу поняла, что передо мной внучка Зинаиды Игнатьевны Лена. – Проходите. Честно говоря, я вас немного другой представляла... Я бабушкины фотографии вытащила, но вас чуть позже ждала и разобрать их еще не успела...

– Ничего, – мило улыбнулась я, следуя за хозяйкой, – Елена...

– Можно просто Лена.

Вскоре мы сидели на широком полосатом диване, обло-

жившись фотографиями. Как видно, Зинаида Игнатьевна была большой любительницей фотографироваться – снимков было столько, что вполне бы хватило оклеить ими квартиру, как обоями. Лена подробно и с охотой комментировала каждую карточку. Примерно через час я начала чувствовать себя если не членом этой семьи, то близкой родственницей. Вяло моргая на очередной семейный портрет, я размышляла, зачем все-таки моя глупость меня сюда привела. Тут Лена бодро воскликнула:

– Вот она, кажется!

Я взяла протянутую фотографию. На ней действительно была Татьяна Антоновна в обнимку с Зинаидой Игнатьевной, и обеим – лет по тридцать. Я покрутила снимок, но даты не нашла.

– А где они познакомились?

Лена качнула головой:

– Не знаю... Но очень давно. То ли учились вместе... Бабушка ведь дворянского происхождения, Татьяна Антоновна тоже. Правда, они это очень долго скрывали, раньше бы за такое по головке не погладили... Может быть, на этой почве где-то сошлись?

Она посмотрела на меня вопросительно, я пожала плечами. Мне-то откуда знать? Хорошо еще, что эта Лена не спрашивает, для чего мне все это нужно... Я бы долго думала, что ответить.

– Знаете, Света, я припоминаю, бабушка рассказывала,

что у Татьяны Антоновны отца расстреляли...

– Как это? – не поняла я. – Кто?

– Ну большевики, наверное... В тридцать девятом, что ли...

– За что?

– Хороший вопрос! – захохотала Лена. – Я не уверена, что рассказываю вам именно о Татьяне Антоновне, а уж за что...

Мы продолжали перебирать снимки, теперь Татьяна Антоновна попадала в кадр достаточно часто. Вот совсем молодая, а здесь постарше...

– А еще, – вспомнила вдруг хозяйка, качнув указательным пальцем, – у нее была сестра... Так вот ее убили... или сама померла...

– А муж?

– Вроде не было... Она ведь так и осталась Георгиевской. Очень старинный дворянский род... У них имение было огромное...

– А вот это кто? – ткнула я пальцем. – Этот мужчина на нескольких снимках. Везде на втором плане, позади Татьяны Антоновны.

– Знакомый, наверное. – Лена честно старалась мне помочь, но бабушкиными знакомыми она явно никогда не интересовалась. – Давно это было, я не помню...

Наконец я распрощалась с любезной внучкой Зинаиды Игнатьевны. Лена позволила забрать пару снимков, думаю, она отдала бы их все, но я сразу намекнула, что этого она не

дождется.

– Светка, корова, я ведь просила тебя перезвонить!

Я с трудом оторвала тяжелую голову от подушки и невидящим взглядом уставилась на часы. Половина первого...

– Ты это... офонарела совсем? Ночь на дворе...

– Я же волнуюсь, куда ты пропала! На работу звоню, домой звоню... А тебя нет... Надо же нам поболтать...

– С Игорем своим болтай, – разозлилась я, – а я спать хочу...

Подруга протяжно хрюкнула.

– Светик... ты чего?

– Ничего... Спокойной ночи...

Я дала отбой и выругалась. Что она вообще себе позволяет?

Однако самый большой сюрприз ожидал меня рано утром. Не успела я шагнуть за порог родной квартиры, как наткнулась на расплывшуюся в таинственной улыбке подругу, сидящую на ступеньке. Я вытаращила глаза и остановилась. Тайка прижала указательный палец к губам и тоже многозначительно вытаращилась. Мне захотелось скончаться. Пугливо оглядевшись по сторонам, я открыла рот, но Мегрэнъ весьма недвусмысленно показала кулак. Потом схватила мою сумку и принялась шарить по ней руками, словно чокнутая.

Не дай бог такое еще раз увидеть... Наконец Тайка оставила в покое сумку и принялась шарить по моему плащу. Я сделала слабую попытку отстраниться, но она крепко ухватила меня за плечо и уставилась на воротник.

– Ладно, все в порядке, – вдруг заявила она, отступая, – чисто...

– И без тебя известно, – сердито сказала я, – только-только из химчистки...

– Балда, – оборвала она, – я не пятна искала, а «жуков».
«Час от часу не легче, – испугалась я. – Сначала жуки, потом крокодильчики...»

– И не тарашься на меня, как на дуру. Ведь оставила вчера секретарше записку, чтобы ты с работы перезвонила...

Или с Тайкой совсем нехорошо, или я что-то пропустила.
– Что все это значит? Говори скорее, я на работу опаздываю...

– Знаешь, Светик, ты в контору звякни, скажи, что малость задержишься... Правда, поговорить надо.

Я на мгновение задумалась, потом шагнула к двери:

– Ладно, сейчас...

– Э-э-э... нет... Не из квартиры. Из автомата.

Телефон-автомат находился на противоположной стороне улицы, поэтому звонок много времени не отнял.

– И посидеть-то негде, – недовольно забурчала Мегрэнъ, окидывая взглядом улицу, – все еще закрыто. Ну да ладно, посидим на лавочке.

Мы устроились на скамейке. Восторга от происходящего я не испытывала – ветер, к тому же прохладно.

– Ваш выход... – объявила я и выразительно посмотрела на Тайку. Если это очередная глупость...

– Понимаешь, Светка, нельзя из дома по телефону разговаривать... Юрка, гад, «жуков» понатыкал...

– Чего? – изумилась я и едва не упала со скамейки. – Ничего не понимаю...

Мегрэнь коротко рассмеялась:

– Я ненамного больше. Все началось с этих фамилий... Сначала он про них забыл. Я даже думаю, он меня и не слушал, когда я первый раз с ним разговаривала. Не мог же он забыть фамилию этого Пекунько, которого в загородном доме кокнули! Когда ты мне в субботу сказала, что он у тебя, я удивилась. Сорока минут не прошло, а он уже прилетел. Сначала я подумала: ну, может, тебя хотел повидать, мало ли... Но когда ты пошла переодевать свой задрипанный халат, он набросился на меня, словно псих. «Что случилось? Почему? Откуда известно? Что вы затеяли?» Пристал – спасу нет! Я, конечно, в полную отказку: ты, мол, о чем, братик? А он мне: «Если ты мне мозги пудришь, я тебе ноги повыдергаю... И подружке твоей любимой... И не дай бог, я узнаю...» И все в таком духе. Но заметь – обо всех троих все рассказал. Зачем, спрашивается? За выражением наших физиономий следил. Это я сразу сообразила. Когда мы от тебя вышли, он, бедолага, пить захотел. Поднимемся, гово-

рит, дашь мне водички... Ну, думаю, как есть хорькует. Он ушел, я всю квартиру облазила. Так и есть: торчит «жучок» за тумбочкой...

Я долго молчала, потому как не могла сообразить, что спросить. Все, что говорила Тайка, здорово походило на бред. Юрка мне поставил «жучков»? Он на это способен? Если так, то не зря я ему по пальцу звездоразнула...

– А он не мог просто спросить: «Зачем это вам и откуда?»

– Так он спрашивал, – пожалала плечами Тайка, – а мы ответили? Юрка не дурак, знал, что не скажем. Так что ехал он к тебе уже с «жуками» в кармане. Видно, уж очень ему интересно было, в чем тут дело. Заметь: в полчаса обернулся, вот оперативность!

– А как ты догадалась, что это «жучок», когда увидела?

Мегрэнь пренебрежительно фыркнула и посмотрела на меня сверху вниз.

– Светлана Сергеевна, иной раз вы меня убиваете...

Мы посидели еще немножечко, бездумно разглядывая проносящихся мимо прохожих, помолчали. У обеих на языке вертелся один вопрос, но начинать никто не хотел. Первой не вытерпела я. Мне все-таки на службу надо.

– И что теперь будем делать?

Мегрэнь схитрила:

– Ты про что?

– Про все... Хотя у тебя, как я вижу, сейчас другие интересы возникли...

Мегрэнъ оживилась и оскалилась во весь рот:

– Купилась, да?

– В смысле? – удивилась я.

Она удовлетворенно продолжила:

– Ты купилась, значит, и он тоже...

– Кто?

– Да Юрка... Он ведь как начал меня в субботу прессовать, надо, думаю, отвлекающий маневр произвести...

Я недоверчиво хмыкнула:

– А как же перья страуса?

– Склоненные?

– Ну да... Не качаются больше?

– Не-а... – небрежно махнув рукой, Тайка сморщила нос. – Он сноб. Да и про браслет наврал. Не мой браслет. Похож, но не мой... Я свой порвала однажды, так мне его криво спаяли. А этот новый.

Она вытянула перед собой руку и потрясла браслетом.

– Зачем же ты чужой взяла?

– А может, я близорукая? Предложил человек, хотел девушке приятное сделать... Чего не взять?

Что ни говори, резон в этом был.

– И вот еще что, Светик... – Тут Тайка задумалась и долго разглядывала бомжа, уютно расположившегося на скамейке напротив. – Инка Куклина из нашей группы замуж собралась...

– Опять? – всплеснула я руками.

Мегрэнъ хихикнула и кивнула:

– Хотела с женихом в порядке более тесного знакомства в дом отдыха съездить на десять дней. Здесь недалеко, двести километров. А жениха в командировку услали... Можно съездить, шикарный, говорят, дом отдыха. Путевка на двоих... Горящая, считай даром.

Объяснялась подружка как-то подозрительно долго и лениво. Я подвох чуяла, но в суть не въезжала.

– Дом отдыха «Богородское»... – добавила она голосом смертельно уставшего человека и посмотрела вверх.

Я нахмурилась, роясь в памяти:

– «Богородское»... Это что?

– Это судьба... – пояснила Мегрэнъ и вздохнула.

В родную контору сегодня я все же попала. Правда, ближе к обеду и только для того, чтобы сообщить руководству о твердом намерении взять отпуск на две недели. Руководство смотрело жалобно и моргало, строя предположения о том, что в мое отсутствие непременно случится аврал с фатальным исходом. Контора безвременно зачихнет, а весь груз тяжкой ответственности ляжет на мои плечи. И беспощадная совесть будет терзать меня до самой глубокой старости. Не моргнув глазом, я бодро уверила руководство, что со своей совестью уж как-нибудь договорюсь. Поняв всю безоснова-

тельность своих претензий, руководство вздохнуло и отпустило мои законные отпускные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.